

18+

Владислав Зубченко

РОЖДЁННЫЕ ОГНЁМ

*Первый роман
о российских пожарных...*

Владислав Зубченко

**Рождённые огнём. Первый
роман о российских пожарных...**

«Издательские решения»

Зубченко В.

Рождённые огнём. Первый роман о российских пожарных... /
В. Зубченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935855-4

Дорогой читатель! Герои моего романа — герои в прямом смысле этого слова. Они живут, влюбляются, попадают в разные детективные и мистические истории и, конечно, делают главное дело своей жизни — пожарное дело, которое они однажды выбрали. Все описанные события происходят в Оренбурге, но вполне могли происходить в любом городе нашей необъятной России. Итак, вперёд, дорогой читатель!

ISBN 978-5-44-935855-4

© Зубченко В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Амулет	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рождённые огнём

Первый роман о российских пожарных...

Владислав Зубченко

Роман издан при поддержке Совета ветеранов Главного управления МЧС России по Оренбургской области и лично Виктора Алексеевича Богородского.

Иллюстрации выполнил ветеран пожарной охраны художник Павел Алексеевич Серов.

Художник Павел Серов

Дизайнер обложки Эльмира Асадуллина

© Владислав Зубченко, 2020

© Павел Серов, иллюстрации, 2019

© Эльмира Асадуллина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-5855-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отдельное спасибо

за помощь в издании книги

Александру Владимировичу Абрамову
Александру Сергеевичу Асташову
Юрию Клементьевичу Бибаеву
Олегу Викторовичу Богородскому
Александру Владимировичу Болянову
Сергею Петровичу Дегтярёву
Владимиру Георгиевичу Исаеву
Василию Дмитриевичу Мовчану
Дмитрию Сергеевичу Носову
Валерию Николаевичу Оленченко
Андрею Ивановичу Радаеву
Сергею Юрьевичу Сергееву
Дмитрию Петровичу Чурносову
Радику Фаритовичу Шарипову

Часть первая. Амулет

Пожарным России всех времён посвящается...

16 апреля 1879 года

С запада на город Оренбург клубами надвигалась большая чёрная туча. Она выросла из-за горизонта, стремительно увеличиваясь в размерах. На фоне потемневшего неба луковки церквей, пики минаретов и треугольники домовых крыш проступали очень отчётливо. Всё стало чёрно-белым, будто городской фотограф господин Фишер сделал свой очередной снимок. Немногочисленные горожане, оказавшиеся на улицах в этот день в час пополудни, замерли с нехорошим предчувствием на этом фото. Уличный юродивый Яшка, истово крестясь и тыча корявым пальцем в тучу, что-то быстро и безостановочно бормотал о конце света. Казалось, что вечерний закат сам наступал на едва различимое неподвижное солнце, находившееся почти в зените. Повсюду начали лаять собаки, и к тому же, совершенно неожиданно, добавив ужаса всем без исключения, закукарекал чей-то петух. В воцарившемся хаосе – уже неясно было ли это в мыслях или звучало на самом деле – носился шёпот: «Господи, спаси и сохрани!»... Прошло, наверное, ещё несколько бесконечных минут, прежде чем всем стало ясно, что город не опускается в преисподнюю – на него наползает дым разгорающегося пожара.

Звон колокола привёл город в чувство. Звонили не с колокольни, а с пожарной каланчи, что была поблизости. Караульный в пожарной робе, каске и рукавицах дёргал верёвку так, что казалось, вот-вот, вырвет колоколу язык, громкий и надрывный. Огня отсюда ещё не было видно. Фотография вдруг задвигалась, все побежали в разные стороны к своим домам, прочь от дыма, запаха гари и уже летящих по небу обломков, кусков дерева и ещё чего-то. Ворота здания пожарной команды распахнулись, и оттуда вылетела тройка гнедых, запряженных в пожарный обоз. Следом, натягивая на ходу робы и рукавицы, бежали пожарные, с разбегу запрыгивая на деревянную телегу – линейку. Возница, нетерпеливо оглянувшись, всё же попридержал рысаков, дожидаясь отставших. Следом из конюшни выскочил верховой сигнальщик и поспешил во главу обоза, последним выехал бочечный ход с огромной красной деревянной бадьёй и пожарной помпой. Бойцы команды были явно в хорошем расположении духа, будто собрались вовсе не на пожар, а на яркое зрелище, в котором все главные роли в представлении отводились только им. Усатые молодцы, засидевшись без дела, должны были на глазах у достопроче́ннейшей публики, наконец, показать свою удачу и смелость. Спустя минуту вся эта процессия с лестницами, баграми, лопатами, топорами и ещё бог знает чем бесстрашно понеслась туда, откуда наступал дым.

Горели торговые базарные ряды, что начинались прямо от гарнизонных солдатских бань. Где именно загорелось, понять было невозможно. На месте торговцы бегали с вёдрами, пытаясь залить уже набравшее силу пламя, кто-то тащил из огня мешки и лотки с уцелевшим товаром. Бояться было чего: совсем рядом хранились бочки с дёгтем, куда пожар сумел добраться, с размаху перепрыгнув через кадушки с водой. Пожарные уже мчались вдоль горящих рядов, крутя головами, махая кому-то руками, что-то говоря друг другу. Впрочем, разобрать хоть что-нибудь в этой огненной круговерти было нельзя. Пожар тем временем, не замечая пожарный обоз, словно не предвидя своей скорой гибели, продолжал ползти к новым лавкам, с треском обрушивая навесы и подпоры.

Сейчас же пожарные принялись раскатывать по земле прочные пеньковые рукава, расталкивая пинками лавочников. В начале улицы появился на вороном рысак брандмейстер в чёрном плаще и начищенной медной каске. Он ехал не спеша, не обращая никакого внимания ни на рушащиеся в сажени от его головы крыши, ни на языки пламени, то и дело дотягивающиеся до него, чтобы выбить из седла полководца и обратить сражение в свою пользу. Обу-

ченный рысак столь же невозмутимо нёс своего хозяина в самое логово пожара. Брандмейстер, остановившись посередине, начал отдавать команды....

16 апреля 1859 года

Ровно за двадцать лет до этого самого происшествия в погожий апрельский день в Оренбурге было всё спокойно. По Николаевской шагал молодой человек лет двадцати от роду в свежем сюртуке и почти новых сапогах, радуясь жизни этой наступившей весной. Молодого человека звали Николаем Мартыновым. Родившись в Оренбурге в семье пожарного унтер-офицера, Николай, благодаря стараниям зажиточного двоюродного дяди, не имеющего к нашему повествованию ровным счётом никакого отношения, получил вполне сносное образование. И хотя полученные знания время от времени заставляли молодого человека погружаться в размышления об устройстве и смысле жизни, а также о собственном предназначении на земле, всё же глядел он на эту жизнь с оптимизмом. Тем более, что в этот хороший день грустные мысли если и посетили Николая, то улетучились ещё с рассветом. Накануне, в три часа пополудни, у себя в доме он потушил на маленьком столике свечу, оставив лежать рядом небольшую стопку листов, перевязанных крест-накрест бечёвкой. Это был первый его рассказ или же совсем небольшая повесть – автор заранее решил, что кому как будет удобнее – содержание которого было пока неизвестно никому. Нет-нет, уважаемый читатель, это были не крамольные мысли о существующих порядках, которые вполне могли закрасться в голову автора всё из тех же прочитанных книг.

Из всех воспоминаний детства самым сильным для Николая остался запах. Запах был режущий до слёз, заползающий через ноздри в самую его голову. Когда он вдруг возникал, маленький Коля точно знал, что отец вернулся домой с пожара.

– Как ты, Николка? Эк, похож на деда, – склонялось в полутьме над кроватью что-то неизвестно большое, со вкусом, не похожим ни на мамкино молоко, ни на кисловатые щи, дымящиеся на печи. – Расти, расти! В пожарные тебя определим, придёт срок.

– Бог с тобой, – испуганно крестилась жена. – Чего ж в пожарные? Мало дела что ли другого, чем с огнём-то целоваться?

– Ты, Дарья, мне парня, слышь, не порть! – нарочито суровел отец.

О том, что пожарный унтер-офицер Алексей Мартынов был добрым и смелым парнем, знала вся округа. За эту доброту и смелость, видно, и полюбила его красавица оренбургская казачка Дарья. Горожане поначалу перешёпывались по поводу выбора молодой дочери казачьего есаула Ерофея Якунина. С молодости Мартынов – сам красавец со смоляными заливчатыми кудрями и столь же обжигающим женщин взглядом чёрных своих глаз – отслужил за веру, царя и отечество рекрутом добрых три года на Кавказе, получив на память шрам через половину лица от черкесской шашки и пулю в левую ногу. Провалившись неделю в горячке, с божьей помощью он выжил и направился напрямик в Оренбург, где был зачислен в пожарную команду. О бесстрашии чуть прихрамывавшего на простреленную ногу героя в городе скоро начали слагать легенды. По одной из них Алексей вытащил однажды из горящей избы одного за другим отца и мать Дарьи и её саму. Прослужив верой и правдой пожарным служителем долгих двенадцать лет, за «примерную смелость и умения в тушении пожара особенные» получил он унтер-офицерский чин и должность помощника брандмейстера.

Вспоминал отца Николай и в этот апрельский день, меряя своими большими шагами главную городскую улицу, твёрдо намереваясь ровно через два квартала оказаться в местном писательском обществе. За пазухой у начинающего писателя лежала та самая, перевязанная бечёвкой рукопись.

На крыльце неказистого одноэтажного дома с полуразвалившейся лепниной, что находился напротив Городской думы, стоял человек в одной ярко-красной косоворотке, в начищенных до зеркального блеска яловых сапогах и чёрной кепке. Кепка едва умещалась на огромном

его лице с тяжёлой нижней челюстью, что создавало чудную помесь кузнеца с купцом, и окончательно сбивало с толку. Человек был из местных поэтов, и звали его Иосифом Максимовым.

– Куды идёшь, мил человек? – заметив подходившего к дому Николая, по-хозяйски загудел Максимов, не удостоив гостя приветствием.

– Вам-то что за дело? – не собираясь исповедоваться первому встречному, огрызнулся Мартынов, на всякий случай, проверив за пазухой рукопись. – Позвольте.

В этот самый момент благообразный поэтический вид Максимова претерпел некоторые изменения. Иосиф помрачнел, презрительно смерив взглядом Николая.

– Ну, иди, иди, – нехотя посторонился он, не снизойдя со своего высокого достоинства до дерзкого незнакомца.

В помещении стояла полутьма. Мартынов перекрестился в прихожей и, чуть потоптавшись, постучал наугад в одну из двух дверей.

– Кто там, входите, входите! – раздался приглушённый немолодой голос.

Николай решительно отворил дверь и вошёл в залу. Напротив окна сидел среднего роста человек, занеся вверх правую руку с гусиным пером, будто именно сию же минуту намеревался перенести на бумагу очень важную, внезапно осенившую его мысль.

– Здравствуй голубчик, чего изволите? – не опуская руки с пером, чтобы не потерять важную мысль, задумчиво спросил человек.

– И Вам здравствовать, – собравшись с духом, отвечивал Мартынов. – Я, это самое, повесть Вам принёс.

Рука пишущего безжизненно рухнула вниз. Выражение скорби на его лице напугало и без того дрожавшего от страха быть отвергнутым Николая. Он попятился, сминая рукой рукопись, и сильно ударился затылком о стоявший на комодке канделябр. Канделябр качнулся вместе с комодом, и Мартынов, мгновенно обернувшись, схватил его другой, свободной, рукой. На лице хозяина скорбь сменилась любопытством.

– Ну-с, давайте знакомиться, – поднялся навстречу молодому литератору человек. – Богородов Виктор Палыч, писатель, так сказать. Прошу любить и жаловать. Да полноте, батенька, поставьте уж канделябр этот.

Спустя четверть часа Николай Мартынов покидал общество с весьма смешанными чувствами. Рукопись Виктор Палыч полистал, качая при этом головой, вытягивая трубочкой губы и даже, как показалось Николаю, перечитывая отдельные её места. Впрочем, сие творение бессонных ночей автора литератор Богородов у себя оставлять не стал.

– Заходите, батенька, заходите, не забывайте нас, – участливо провожал он гостя. – Талант у Вас несомненный, не дайте ему погибнуть. Да и тема, тема-то интереснейшая! А мы тут пока поразмыслим, что со всем этим делать.

Делать было нечего. Вновь оказавшись на Николаевской, Мартынов задумчиво побрёл, было, обратно. Как вдруг, развернувшись, направился в сторону Почтовой улицы, где над домами виднелась пожарная каланча...

Ещё мальчишкой он пропадавал с отцом здесь, в пожарной части, что была при полицейском управлении. Всё, чего касался взор замороженного Кольки, приобретало для него особый смысл. Разложенные медные заливные трубы и каски, матово поблескивающие в полутьме конюшни, прочные пеньковые рукава разной длины, лестницы, местами обугленные пожаром. Огромная бочка на втором ходе, покрашенная в красный цвет, всегда была заполнена водой. Когда её вовремя не смолили, она начинала подкапывать, что всегда очень беспокоило Колю. Багры, топоры, вёдра и лопаты – всё было не как у них в домашнем хозяйстве, а каждый предмет, случись пожар, имел своё особое назначение.

– Емельян, а Емельян, – тянул Коля руку пожарного, оттачивающую и без того острый пожарный топор. – А чего это у гнедого сбоку подпалина?

– Известно чего, – не отвлекаясь от своего занятия, отвечал Емельян. – Дай бог памяти, на Крещение, когда у урядника Мелентьева избу тушили, подогнали его родимого с бочкой поближе, а балка-то возьми, да и рухни. Думали, зашибло Француза нашего. Ан нет – бок опалил шибко.

У каждого из этих усатых бойцов, прошедших не один огненный бой, была своя собственная история, в которой самым невероятным образом переплетались правда и вымысел, и оттого казались они маленькому Коле людьми совершенно необычными, наделёнными такой огромной смелостью, что у него захватывало дух.

Вот и сейчас, подходя к части, Николай знал всех здесь подолгу и помнил каждого из них по имени.

– Здравствуй, здравствуй, Ваше высокоблагородие, – снимая выдавшую виды каску, с поклоном встретил его на пороге тот самый Емельян Белоусов.

Вообще —то, Емельяном его никто в части не звал. Лет пять назад, когда Белоусова только что произвели в старшие пожарные, товарищам его запомнился забавный окрик новоиспечённого командира на пожаре: «Ширше! Ширше, говорю, вставайте, заливайте его! Уползёт огонь в стрехи – ищи его там!»

С тех самых пор к Емельяну и прицепилось необходимое, но едкое прозвище Ширш. Но товарищи уважали Ширша за его отвагу, за то что никогда, будучи старшим, за чужие спины он не прятался.

– Опять ты своё, ну какое я тебе высокоблагородие, – сконфузился Николай.

– Помяните моё слово, быть посему рано или поздно, – бурчал вслед поднимающемуся вверх по лестнице парню.

Брандмейстер Степан Бодров вместе со своим помощником обер-офицером Алексеем Мартыновым разговаривали в кабинете. А поговорить было о чём. На нужды пожарной команды в этот год Городская дума выделила денег меньше положенного.

– Я ведь ему говорю прямо, – горячился штабс-капитан Бодров после встречи с самим генерал – губернатором Катениным. – Ваше высокопревосходительство, что уж о людях думать, коли так – лошадям обозным скоро на прокорм денег не будет! А он мне: помилуйте, голубчик, у меня забот столько, что до вас руки не доходят. Не доходят у него руки, понимаешь! – Брандмейстер с помощником, наконец, узрели стоявшего у дверей Николая.

– Коленька! – казалось, Бодров обрадовался приходу Мартынова-младшего больше отца. – Ну что, друг мой, не надумал ещё к нам на службу податься, а? Мне такие работники позарез нужны. – Брандмейстер провёл ребром ладони по шее.

– Здравствуйте Степан Степанович, – улыбнулся Николай. – Я просто зашёл, отца вот навестить.

Мартынов – младший зашёл не просто так. Здесь, в пожарной части, он чувствовал себя дома. словно все эти годы, когда после учёбы бежал на службу к отцу, он и сам в своих мыслях становился на дежурство рядом с усачами-пожарными. И они успели полюбить его за любознательность и уважение к профессии, которую однажды выбрал его отец. И было в этом выборе Алексея Мартынова и судьба, и призвание.

– Ну, садись, садись, чайку втроём попьем, – приветливо пригласил Николая Бодров, выглянув в окно на улицу. – Тихо сегодня как-то, а? Не находишь, Алексей Иванович? Не слазить бы.

Кабинет брандмейстера был по-мужски строгим. Большой тяжёлый стол с гнутыми, словно под собственной тяжестью, ножками громоздился посередине. Такое же массивное кресло, которое сейчас пустовало, пока штабс-капитан суетился с самоваром, очень нравилось Николаю с самого детства. Однажды, вот так же оставшись на некоторое время один в кабинете, он втайне даже уселся в него. Слева от кресла стояла брандмейстерская шпага – с ней Бодров почти никогда не расставался, а особенно на пожаре. Какой же командир в бою без шпаги?...

– Ну-с, чаёк поспел, господа, без чая, Коленька, уж не отпущу, – по-отечески усадил на деревянный стул гостя Бодров. – Да не гляди ты на отца – ты ж и мне, как сын. Чай с дымком, по – пожарному. Да ты хозяйничай сам, чего уж.

Бодров снова повернулся к старшему Мартынову.

– Завтра же непременно пойдём вдвоём к губернатору и ты, Алексей Иванович, ему свои предложения покажешь. И не спорь, не спорь – лучше тебя даже я не смогу. Эх, Василий Алексеич, царствие тебе небесное. Теперь уж не как при тебе стало.

Годы службы при самом Василии Алексеевиче Перовском Степан Бодров вспоминал с трепетом. Его, совсем ещё юнца, Перовский приметил однажды на пожаре в 1833 году, когда он, помощник брандмейстера, лихо вскарабкавшись на самый конёк крыши горящего дома, бежал вдоль по нему, как по улице.

– Гляньте-ка! Ему котом бы уродиться было в самый раз, – восхитился губернатор, обращаясь к маленькому чёрному кудрявому человеку с бакенбардами, стоявшему рядом, по всему видно, приезжему может из самой столицы.

Через мгновение так же ловко пожарный прыгнул почти в самое пекло и исчез. А через минуту появился с каким-то свёртком, вновь взобрался на крышу и по этому, единственному оставшемуся пути к спасению, вернулся обратно. Свёрток оказался грудным мальцом, спасённым в тот день Бодровым.

– Подзовите-ка этого «кота» ко мне – награжу за смелость, – приказал Перовский и обернулся к кудрявому человеку. – Гляди, Александр Сергеевич, какие молодцы у меня служат! А как поэму про них написать, а?

– А что, мысль интересная, – ответил человек. – Отчего же и нет.

С тех пор они ещё несколько раз встретились на пожарах, куда губернатор ехал непременно, чтобы лично посмотреть, как работают его молодцы. Бумагам он не верил, а предпочитал всё перепроверять сам. В один из таких дней он объявился в пожарной части и, увидев сколь плачевны здесь дела, распорядился наказать виновных. А когда прежний брандмейстер ушёл на покой, вызвал Бодрова к себе и сделал главным пожарным во всём Оренбурге. При Василии Алексеевиче пожарное дело, наконец, пошло в гору...

– Чего приходил-то, случилось чего? – спускаясь с сыном по лестнице, поинтересовался Алексей.

– Нет, отец, всё слава Богу, – улыбнулся Николай.

– Вишь, как зовёт тебя, а я не хочу вот теперь, – задумался Мартынов-старший. – Учёба твоя закончена. Надо тебе в городскую управу на службу попробовать. Степан Степанович рекомендацию дал бы, да вот беда – как ему сказать, что не хочешь ты пожарным стать?

– Отчего же не хочу? – встрепенулся Николай. – Ты же сам мне...

– Ты погодь, погодь, говорю, – остановил его отец. – Вот что я думаю...

Звон пожарного колокола прервал их беседу.

– В Новой Слободке, кажись, занялось! – кричал караульный с каланчи.

В части сразу всё задвигалось. Лошади, наученные звуком тревожного колокола, одновременно сделали шаг вперёд, вдев головы в висевшие перед ними хомуты. Кто-то уже бежал запрягать. Ширш, схватив рукав и заливную трубу, без лишней суеты встал возле линейки.

– Бегом, мухи сонные! – раздался на всю округу его командный голос. – Минута вам, не более, а то следом побежите, говорю!

Алексей Мартынов оборвал разговор.

– Ладно, сынок, вечером про всё и договорим. Иди домой, матери скажи, чтоб ждали к шести. Пусть вареники, слышь, сделает – отчего-то хочу сегодня вареников с картошкой, страсть, как хочу. – Отец, взяв боёвку, заботливо принесённую Ширшем, уже вскочил на первый ход.

– Ваше благородие, может и сами управимся – дело пустяковое, – крикнул Ширш Мартынову.

– Поехали! – протяжно загудел помощник брандмейстера, ещё раз взглянув на сына, и пожарный обоз скрылся в пыли Почтовой...

Николай же, смерив напоследок взглядом стареющую каланчу, направился теперь прямоком домой. Настроение его заметно улучшилось. По дороге он вспоминал, как однажды с отцом по узкой винтовой лестнице поднимался на эту каланчу. Отсюда весь город был как на ладони. На юг прямо от берега Урал – реки начинался казачий Форштадт, на север виднелись Базарная площадь и Кузнечные ряды. Куда хватало взору, окрест стояли церкви, мечети, дома – до всего этого, казалось, можно было дотянуться рукой. Отец, крепко держа сына за руку, вглядывался в даль и думал о чём-то своём. Прямо над Колиной головой висел тот самый пожарный колокол, и он решил неизвестно для чего слегка потянуть верёвку. Язык колокола качнулся и неожиданно ударил, что есть силы, звеня медью. Внизу заржали обозные лошади, пожарные повыскакивали из конюшни. Отец вздрогнул в то же мгновение и схватил колокол рукой:

– Николай, чего балуешь!...

Вспоминая этот устроенный им переполох, Николай шёл через центр Оренбурга на Гостинодворскую, где и был дом Мартыновых. Дома мать уже хлопотала у печи, гремя чугунами, отмахивая невесть откуда взявшихся, проснувшихся по первому теплу мух.

– А, сынок, вернулся. Небось к отцу заходил? – словно заранее ожидая обмана, спросила Дарья.

– Заходил, мама.

– Ох, нечего тебе там делать, ох нечего! – расстроилась Дарья.

Её материнское сердце чувало, знало, что коли так пойдёт, и сын определится в пожарные, то переживать ей придётся сразу за обоих. Вот и сейчас, видя глаза матери, Николай не стал ей ничего говорить про пожар.

– Матушка, отец вареников просил, – передал просьбу родителя Николай. – Ждать наказал к вечерней – раньше никак не управится.

Апрельский день, уже набрав весеннюю силу, не собирался закатываться за горизонт. Николай вышел на улицу, по которой, закрывая лавки, тянулись по домам торговцы. В Оренбурге апрель особенный: если днём к городским крышам и мостовым подступает почти летний зной, то вечерами ещё всю дышится весенней свежестью. Горожане шли не спеша в обе стороны от Гостиного двора. В этих неторопливых их шагах будто проходила сама оренбургская жизнь – неспешная, тягучая. Она то дремала, разморившись, под жарким июльским полднем, то куталась в тёплый пуховый платок у горячей печи в декабрьский лютый вечер. Казалось, что и церковные колокола звонят окрест здесь медленнее и протяжнее, чем ещё где-либо. Вот и сейчас в Преображенском храме зазвонили к вечерней службе, и Николай осенил себя крестом. Отца всё не было...

А в Новой Слободке было жарко. Огонь охватил уже несколько домов. Он веселился на крышах, потом вдруг исчезал, казалось, безвозвратно, но вновь возвращался, удивляя своей силой и мощью. Чёрный дым поднимался в небо так высоко, закрывая его над всей округой, что казалось того и гляди в небе этом появятся ночные звёзды.

– Эх, упустили, ветер разгулялся, слышь, Алексей Иваныч, – подскочил к Мартынову Шиш. – Не сладим мы с ним скоро.

– Сладим, Шиш, обязательно сладим! – прикрикнул на него Мартынов. – Дорофеич! Дорофеич, мать твою, где вода, я спрашиваю?

Дорофеич, долговязый и щупловатый на вид, совсем ещё молодой боец дёргал рукоять помпы, но толку не было.

– Кажись, насос отказал, говорил я раньше про то его высокоблагородию, что менять... – начал было Дорофеич.

– Помолчи пока! Думай, как быть – без воды никак! – Мартынов оглядел весь пожар. – Эй, братцы, на крышу давай – обрушить слева надобно, достать его оттуда, чтоб не лез дальше!

И сам первым полез по деревянной лестнице-палке прямо в пасть пожару. Чёрный брезентовый плащ его слился с дымом, и помощник брандмейстера исчез в этом дыму. Вокруг стало ещё жарче, будто где-то внутри пожар вскипел, выплёскивая наружу свои чёрно-красные клубы. Пот, стекая солёными ручьями, заливал пожарным глаза, пробирався за воротники, как будто в истопленную баню они зашли, не раздевшись. Ещё несколько топорников полезли на крышу, пытаясь разрушить деревянные балки и доски, по которым огонь пробирался к соседнему дому. В их руках засверкали ломы и багры, словно они выковыривали самих чертей из ада...

Нашли Мартынова через четверть часа. Под рухнувшей сгоревшей балкой он лежал, уткнувшись лицом в пепелище. Когда товарищи добрались до него, он был ещё жив. Балка перебила Мартынову спину, от удара разорвало внутренности, и изо рта его сочилась чёрная, как дёготь кровь. Все понимали, что минуты помощника сочтены. Заботливо поднятый пожарными командир, не в силах даже шевельнуться, молча смотрел в последний раз, как товарищи добивают пожар. Те, почти закончив дело, сходились к месту, где лежал Мартынов.

– Как же это, Алексей Иванович, – шептал возле него Дорофеич. – Я ж помпу починил, как же так.

Взглядом подозвал Алексей к себе Ширша.

– Колю, Колю увидеть надо мне, – еле слышно шептал командир. – Прикажи послать за ним – времени более нет...

Вестовой промчался галопом по Гостинодворской к дому Мартыновых. Николай заметил его издали и, почуяв неладное, пошёл сначала большими шагами, а потом побежал навстречу.

– Садись ко мне, Коля, скорее садись, – поднял на дыбы коня вестовой. Николай легко вскочил на лошадь, и они помчались туда, где ждала их беда.

Оказавшись на месте, Николай прыгнул почти на ходу и, расталкивая бойцов, обступивших плотным кольцом своего командира, наклонился к отцу. Крепко взял его за холодеющую руку. Алексей глядел на сына, и в этом взгляде была и смертная тоска по жизни, и любовь к сыну и жене, и спокойствие мужественного человека. Здесь, посреди догорающего пожара, догорала жизнь пожарного Алексея Мартынова, которую отдал он отечеству всю без остатка.

– Хорошо, что не дома, – прошептал вдруг отец. – Пожарный в бою погибать должен, и тогда душа его на небо вознесётся непременно. Коля, обещаю тебе, что дело продолжишь. И вот ещё, у Ширша спроси...

Рука отца обмякла, и он затих, широко раскрыв глаза, в которых отразились и застыли огненные сполохи, будто и впрямь душа его поднималась в небо с огнём и дымом...

На третий день Алексея схоронили. Отпевали его в Преображенском храме при огромном стечении народа. Брандмейстер Бодров и бойцы, прошедшие с Мартыновым огонь и воду, держали свечи, будто зажжённые священником не от алтаря, а от того самого последнего пожара. Такая же свеча горела в руке у Николая, стоявшего возле почерневшей от горя матери и сестры Марии.

– ...Упокой душу раба Твоего Алексея, – привычным своим басом неторопливо отпевал усопшего отец Иоанн. – Прости прегрешения ему вольные и невольные...

Много раз – Николай это знал точно – приходил Мартынов – старший к отцу Иоанну за благословением, много раз через него благодарил бога за то, что вновь остался в огне живым. Душа Алексея и сейчас была рядом с духовником и ждала, когда отпустят ей все грехи. И, в конце концов, она сможет полететь высоко-высоко над всем Оренбургом, чуть коснувшись пожарной каланчи лёгким облачком, неслышно ударив на прощание в караульный колокол.

В эту ночь Николаю Мартынову приснился сон. Будто отец вошёл в дом, как всегда пахнув пожаром. Он был бледный, с окровавленным ртом. Отец шёл по комнате, с трудом передвигая ноги.

– Не ходи туда, – каким-то страшным голосом сказал мёртвый отец. – Там смерть стоит, я её видел. Вишь, как сломало меня.

И покойник вдруг страшно согнулся напополам в другую сторону. Николай похолодел и захотел, было, проснуться, но тело налилось свинцом и не слушалось. Отец, всё также согнувшись в спине, подходил всё ближе. Голова его висела сзади между ног.

– Где же каска моя, куда мамка подевала? – начал вертеть головой погибший Мартынов, ища пропажу пустыми глазницами. – Темно, не вижу ничего.

Николай резко сел в постели и начал читать «Отче наш». Раз, два, три раза... Страх отпустил его. В доме всё было тихо. Горевшая в горнице свеча отбрасывала тени на стену. Он встал, подошёл к своему столу и зажёл в подсвечнике ещё одну свечу. На чистом листе бумаги, не тронутым с того дня, когда погиб отец, откуда-то появился странный росчерк пера. Николай поднёс свечу ближе к бумаге. Знак был ему непонятен. Он взял лежавшее рядом перо и увидел, что кто-то словно недавно обмакнул его в чернильницу. Мартынову вдруг почудился странный шум из отцовской комнаты. Держа перед собой свечу и крестясь, он встал и шагнул туда. Всё здесь осталось, как было при хозяине. На стене висела шпага, на полках стояли и лежали любимые книги, а на комодке тускло поблёскивала та самая каска, которую искал заходивший этой ночью отец. Взгляд сына остановился на ней, и он взял её в руки. Старая, с отметинами пожаров каска, казалось, светилась изнутри. Вся в царапинах и небольших вмятинах, она почему-то была тёплой. Николай пригляделся внимательней и вдруг увидел сбоку на ней такой же самый знак, что появился загадочным образом на его бумаге! Он быстрым шагом вернулся к столу: лист был чистым. Николай перекрестился ещё раз...

***

Спустя сорок дней после пожара в Новой Слободке, в своём кабинете брандмейстер Бодров о чём-то оживлённо говорил с помощником местного полицмейстера Исаевым. Обсуждали недавний случай, произошедший при пожаре в Форштадте, где мародёры, воспользовавшись темнотой, успели унести из горящей избы казачьего сотника Попова икону в золочёном окладе и его наградной пистолет в футляре. Полицейские же, прибыв утром для следствия, когда сотник хватился пропажи, недолго думая, обвинили во всём самих пожарных.

– А я говорю тебе, Георгий Порфирьевич, не могли мои такого себе позволить, – твёрдо стоял на своём Бодров. – Зачем понапрасну винить? Или видел кто, как тащили, скажи?

– Некому было кроме ваших, – упрямылся Исаев. – Чужих у дома не было. Икону унести ещё ладно, а пистоль найти сперва нужно. Да уж и не в первый раз такое. Или скажешь, что неправду говорю?

– Это дело давнее, – опустил глаза штабс-капитан. – Оно здесь ни при чём, да и люди те в остроге давно. Ты всех-то под один гребень не чеши, Ваше благородие!

Бодров положил руку на эфес любимой шпаги. Шпага эта не раз сослужила ему добрую службу. Ею брандмейстер однажды лично отправил на тот свет двух таких вот мародёров, пойманных им на пожаре с поличным. Он застал их в горящей избе, ворвавшись туда, чтобы проверить, нет ли там ещё людей. Один из воров достал тогда из голенища сапога нож и бросился на Бодрова. Но тот, увернувшись, выхватил шпагу и поразил соперника в самое сердце – тот не успел даже охнуть. Второй рванулся было в окно, но штабс-капитан в один прыжок настиг и его. Убивать вора в спину офицер не стал и бросил оружие. В завязавшейся драке они клубком катались посреди горящей комнаты под грозящей с минуты на минуту обрушиться кры-

шей. Мародёр в какое-то мгновение сумел схватить брандмейстера за горло, но тот стряхнул его с себя и, подняв с пола клинок, вонзил его в грудь бандита. В эту же секунду в комнату вбежал Ширш с пожарным топором наперевес.

– Управился сам, – стирая платком кровь с клинка, сказал Бодров. – Давай бегом отсюда!

Они выскочили из горящей избы, крыша которой обрушилась следом за ними, похоронив под собой мародёров вместе с награбленным добром...

– Так что ты это брось, Георгий Порфирьич, – подошёл к помощнику полицмейстера брандмейстер Степан Бодров. – Ежели будет такое, я сам их вот этой шпагой к стенке приколую как мух – не пожалею. Слово тебе даю. А тут не было, слышишь, не было такого!

– Ладно, ладно, – отшатнулся от наседавшего на него Бодрова Исаев. – Разбираться будем далее, сотник злой уж очень. Да и дом у него почти сгорел весь, вот он на ваших, видно, зуб и заимел.

– А пожар, знаешь, разбору не ведаёт – сотника этот дом или не сотника, – вспыхнул Бодров. – Он для чего баню топил, скажи? Ведь нельзя в жару-то. Ты его за это накажешь? Нет, не станешь ты сотника наказывать.

В дверь громко постучались.

– Входите, кого там нелёгкая! – ещё не выдохнув весь свой гнев, крикнул брандмейстер.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Николай Мартынов. Он был застёгнут на все пуговицы, лицо его выдавало волнение.

– Коля! Коленька, дорогой ты мой человек, – забыв о помощнике полицмейстера, будто того не существовало в кабинете, обрадовался гостю штабс-капитан. – А я уж думал послать за тобой, да годил всё. Дай, думаю, уляжется горяшко у него в душе. Царствие небесное Алексею Ивановичу...

Потерю боевого товарища Бодров переживал сильно. В день гибели Мартынова он, закрывшись в кабинете один, достал из шкафа горькую и пил много. Под самую ночь Ширш, взяв с собой шуплого Дорофеича и ещё невысокого, хромавшего на одну ногу Захара Дегтярёва, осторожно постучали в дверь к брандмейстеру.

– Пошли вон! – заорал Бодров, швырнув только что выпитую стопку в дверь. – Вон! Застрелю!

Спустя ещё примерно час, штабс-капитан Бодров вышел из кабинета при полном параде со шпагой на боку и направился напрямиком на каланчу. Следом, таясь от начальственного гнева, по винтовой лестнице полезли Ширш и Дегтярёв. Оказавшись на смотровой площадке, брандмейстер прогнал прочь караульного и занял его место. Вытянувшись во весь рост, Бодров вдруг схватил верёвку колокола и начал бешено звонить. В уже заснувшем городе залаяли собаки, заржали лошади, послышались крики перепуганных людей. Ширш со Дегтярёвым бросились к обезумевшему командиру.

– Ваше высокоблагородие, бросьте, бросьте, сейчас весь город всполошится! – пытался удержать руку Бодрова Ширш.

– Прочь, прочь от меня! – орал брандмейстер. – Почему в храмах не звонят по другу моему Алексею? Я тебя спрашиваю: почему не звонят? Где Мартынов?!

И, оттолкнув пожарного, он с остервенением продолжал звонить и звонить в пожарный колокол, будто услышит его Алексей Мартынов и примчится по тревоге тотчас же в часть. Выбежавшие из домов люди грозили брандмейстеру страшными карами за испытанный ими ужас. Впрочем, наутро, когда выяснилось в чём дело, ни один из них не пришёл в полицию с жалобой...

– Садись, Коля, садись, – усадил его на стул Бодров. – Мы тут вот дела наши скорбные обсуждаем. Ох, да о чём это я. Про отца всё вспоминаю, видно.

– Так я пойду, Степан Степанович, – откланялся Исаев. – К сердцу не бери, найдём воров, непременно найдём.

Пока Мартынов собирался с духом что-то сказать Бодрову, тот уже успел отдать несколько распоряжений одному из помощников Ивану Петрову, появившемуся на пороге.

– Иван Яковлевич, ты человек опытный, узнай только тихо для меня, не из наших ли на самом деле кто икону и пистоль умыкнул, – доверительно обратился к нему брандмейстер. – Ты уж постарайся, чтобы мы тут сами без полицмейстера управились. Ясно тебе?

– Выясним, Ваше высокоблагородие, – с лёгким поклоном ответил Петров.

Унтер-офицер Петров прибыл на службу в Оренбург из Вятской губернии. За какие такие заслуги или провинности офицера отправили служить из медвежьего угла в ссыльный город известно не было. Маленький ростом, с почти лысой головой и кривыми ногами, умом и сообразительностью на пожаре сей офицер вовсе не блистал, но заслужил доверие у начальства своей верностью и умением решить разные нужные дела, на которые не всякий и способен. Когда унтер-офицер вышел, Бодров, прервав нерешительные раздумья Николая, заговорил жарко и прямо.

– Ну-с, Коля, вижу, что решил ты для себя всё. Правильно решил – место помощника у меня свободно, тебе там и быть. Молчи, не перебивай, – заметив сомнения Мартынова, тут же оборвал их брандмейстер. – С твоим батюшкой много мы про это говорили. Я ведь, Коля, не сегодня – завтра прошение в отставку уж подать хотел. На моё место кроме как сотоварища моего Алексея, с которым, почитай, больше двадцати годков отслужили, я никого более не видел. Но вот оно вышло как. Скажу я так: хоть службу нашу ты с детства знаешь, в брандмейстеры тебе, конечно, рано будет ещё. И через год, и через два даже. А поэтому, покуда силы есть у меня, будем вместе службу нести. Хочу я пост свой лишь тебе сдать, слышишь, Коля! И отказа не приму.

Бодров тяжело выдохнул, будто нёс эту речь долго с собою в гору и дождался, наконец, момента, чтобы высказать все слова разом, свалив с души. Он глядел на младшего Мартынова. «Господи, совсем ведь юнец! – заметил про себя вдруг штабс-капитан. – Справится ли? А ежели не сдюжит, что я Алёше на том свете скажу? Нет, сдюжит. Обязан, ради памяти отцовской сладит со всем».

Николай, словно прочитав мысли Бодрова, резко встал, вытянув руки по швам.

– Ваше высокоблагородие, возьмите на службу бойцом простым – не осрамлюсь, слово даю, – слегка дрожащим от волнения голосом произнёс речь Мартынов.

Бодров подошёл и обнял сына своего друга, обнял по-отцовски, вспомнив, как когда-то в детстве поднял на руки маленького Колю, впервые пришедшего к отцу на службу, и сказал тогда Алексею: «Этот наш будет. Гляди, уж как на каску уставился, ну точно – наш».

– Вот и славно, – стараясь незаметно смахнуть накотившую слезу, сказал Степан Степанович. – Откладывать более не станем – скоро же и начнёшь, пора тебе в офицеры, Коля...

Спустя время, после улаживания всех необходимых формальностей, по обычаю вместе с городским полицмейстером Петром Рукомойниковым Бодров отправился в Городскую думу представлять нового помощника в должности. Мартынов уже бродил по крыльцу Думы от одной колонны к другой, словно замеряя шагами расстояние, и, каждый раз сбиваясь, начинал мерить снова.

– Волнуешься, Николай Алексеич? – лукаво спросил подошедший Бодров. – Ничего, я за тебя везде поручусь. Надо будет и у генерал – губернатора слово замолвлю. Вот и его превосходительство того же мнения о тебе.

Мартынов постарался было шелкнуть по-военному каблуками, приветствуя старших по должности, но вышло как-то не очень. Полицмейстер, разочарованно поглядев на мартыновские сапоги, лишь сухо кивнул в ответ...

– Ну, пошли, пошли, – направился к дверям Бодров. – Больше молчи, соглашайся со всем, обещай, что сдюжишь – начальству на это глядеть радостно. А хоть бы и не поверит тебе сразу глава, но ты ему: так точно-с, Ваше превосходительство, не подведу!

– Научишь ты его, Степан Степаныч – только мысль ему спутаешь, – возразил брандмейстеру Рукомойников. – Как бог даст. Не в словах его дело – он себя на пожаре покажет...

Окончательно сбитый с толку Мартынов томился теперь у тяжёлых дубовых дверей главы, недавно закрывшихся за Бодровым и Рукомойниковым, и ждал своей участи. За столом в приёмной сидел маленький лысый служащий и что-то старательно выводил на бумаге, не отрывая глаз. Ползавшая по оконному стеклу большая муха, перелетев на лысину писаря, уже с минуту путешествовала по ней от макушки до бровей, но писарю до этого не было никакого дела. Он так был занят письмом, что муха безнаказанно направилась прямо к его носу. Служащий на мгновение бросил своё занятие и, скосив глаза, вслед за Мартыновым начал наблюдать за наглым насекомым. Они позволили мухе ещё какое-то время похозяйничать у носа писаря, прежде чем тот, осторожно отложив перо, резко хлопнул себя рукой по носу. Муха переместилась ему на лоб. Писарь хлопнул по лбу, но надоедливое существо вновь отлетело лишь для того, чтобы сесть на ухо. Служащий начал бить себя всюду, а Мартынов попытался схватить наглую муху на лету. С третьего раза он ловко поймал её в кулак.

– Это, говоришь, Степан Степаныч, сын Алексея Мартынова? – спросил выходящий из кабинета вместе с Бодровым в это самое время городской глава Иннокентий Безродов.

Николай, зажав пойманную муху, вытянул руки по швам. Подойдя с суровым видом, грузный Безродов пристально поглядел на Мартынова, отчего тот слегка оробел.

– Похож, ой как похож! – неожиданно улыбнулся в свои, закрученные по-пожарному, усы глава. – Ну, так тому и быть – служи Николай Алексеевич, как отец твой служил.

Безродов протянул новому помощнику брандмейстера руку. Николай разжал кулак, выпустив пленённое им насекомое, и с благодарностью принял рукопожатие. Муха тут же взмыла вверх между носами главы и Мартынова, и Безродов внимательно проводил её взглядом.

– Да-с. Тепло будет, – с пророческим видом сказал он...

Мать Николая Дарья Ерофеевна и сестра его Мария, едва выплавав все слёзы по мужу и отцу, вновь рыдали, узнав о Колином решении. Дарья молилась богу беспрестанно, чтобы тот вразумил раба своего и её сына поменять свой выбор.

– Не пуцу, костями лягу! – успевшая поседеть в свои сорок лет от горя, кричала она в первый же вечер сыну. – Мало нам смерти, ты же один хозяин в семье остался. Маша замуж пойдёт, с кем я буду? А сгинешь ежели в огне этом, как отец? Будь она проклята, служба эта!

– Хватит, матушка! – резко встал терпевший этот бабий вой Николай. – Сказано, буду дело отца продолжать. Хорошие люди от меня этого ждут, и я их ожидания не предаю.

Сестра Мария, напротив, удержав слёзы при брате, подошла и обняла его. В ней, в свои одиннадцать только начинающей взрослеть, уже была видна стать, доставшаяся ей от бабки-турчанки Изида. Изиду – высокую, с чёрными раскосыми глазами, небольшой упругой грудью и тёмными волосами – когда-то дед Маши есаул Ерофей Якунин привёз в Оренбург из похода то ли силком, то ли по обоюдной любви. Николай погладил сестру по голове. Он делал это всегда, когда Маша, наказанная отцом за какую-нибудь провинность, в слезах бежала за жалостью к старшему брату.

– Маша, хоть ты матушку нашу образумь, – попросил в свою очередь её брат. – Нету у меня пути иного, как этот. Батюшка доволен будет, вот те крест!

Утерев текущие слёзы, Мария выпрямилась, бросила длинную косу за спину и сказала:

– Раз решил, братец – иди с богом. А я молиться за тебя стану, – совсем по-взрослому сказала сестра.

Они оба поглядели на мать, и та, вздохнув всем сердцем, будто вспомнив, что она казацкого рода, твёрдо встала и подошла к сыну.

– Храни тебя Господь, Колюшка, видно на то его воля есть, – благословила, смирившись, Дарья сына. – Скажу тебе: служи, как твой папка, Алёшенька мой, с честью и совестью...

***

В первый день службы с унтер-офицером Николаем Мартыновым случилась конфузия. Войдя в часть на утренний развод, он не заметил, что одна из гнедых, запряжённая в бочечный ход, перед тем, как отправиться за запасом воды, сделала большую нужду, навалив кучу посреди конюшни. Ширш, первым увидев нового помощника, подал команду.

– Смирно! Ваше благородие, дозволейте доложить: насос теперь в исправности, третьего дня поломка штыря была, а трубы водоливные замены требуют – зима скоро. Ну и порядок наводим помаленьку тут.

– Вольно, Емельян Степанович, – справившись с волнением от первой своей команды, ответил Николай и, сделав шаг, скользнул начищенным хромовым сапогом в лошадиный навоз.

Бойцы замерли, едва удерживая на лицах улыбки. Ширш, стоявший напротив новоиспечённого командира, поглядел вниз и широко раскрыл глаза, будто и сам только узрел такое безобразие. Мартынов, не поведя бровью, вдруг ещё твёрже встал ногой в навоз, растирая его подошвой, и медленным шагом направился мимо всего строя, разложенных касок, рукавов и труб. Дойдя до конца, он пнул испачканным сапогом один из рукавов, лежащий на полу, потом наступил на него и двинулся обратно. Остановившись возле полки с небрежно брошенными брезентовыми боёвками, Мартынов поднял ногу и обтёр подошву о край.

– Плохо что-то за порядком следишь, Емельян Степанович, – обернулся он к Ширшу. – Пойду сейчас к брандмейстеру, а вам тут полчаса сроку прибраться.

Так стало ясно, что в пожарной команде появился новый командир, и спрашивать в деле он будет по молодости со всех и безо всякой былой дружбы...

Крестился Николай на пожаре лишь в четвёртый день службы. Лето в городе уже двинулось к своему исходу, и к третьему Спасу ночи хоть и стали холодными, но к полудню грело так, что караульный пожарный вертел голову во все стороны. Брандмейстер отъехал по делам, а помощник Мартынов сидел в караульном помещении в раздумьях. Всё в части было вроде бы так же, как и при его батюшке. Ширш снова оттачивал свой топор, будто бы собрался им бриться, Дорофеич возился у старого насоса, негромко называя его дурным словом, но, спохватившись, крестил и себя и его в надежде, что тот всё же не подведёт на пожаре. Пожарные служители, растянувшись под тёплым летним ветерком, дремали. Так, да не так. За всё обманчивое это спокойствие, за всю необходимость подняться в мгновение ока по тревоге и лететь туда, где огонь надумал сжечь всё живое – за всё вместе с брандмейстером Степаном Бодровым отвечал теперь и он, Николай Мартынов. В следующую минуту, будто в подтверждение его мыслей, зазвонил пожарный колокол.

– В Кузнечных рядах горит, – кричал караульный. – Шибко ползёт по ветру!

– Давай все в конюшню! – вскочив, крикнул Мартынов. – Бочку запрягай. Бегом, говорю! Мартынов сразу вспомнил, что велел ему Бодров, если начнётся без него.

– Ты, Коля, помни, что молод, службу узнаёшь только и простого пожарного пока стоишь, – объяснил в первый день ему брандмейстер. – Одно дело за отцом глядеть, а другое – самому. Ты, друг мой, за отвагой и наградами пока погоди – успеется. Не совладаешь коли, люди могут погибнуть и наши тоже. В бою обвыкай, что знаешь – команду, а Ширш приглядит.

Николай уже одел поверх мундира робу, взял ту самую отцовскую каску и выскочил к обозу. Линейка была готова, рядом гарцевал сигнальщик, последним, чуть задержавшись, выехал и бочечный ход.

– Ну, с богом, Ваше благородие, – обернулся к помощнику брандмейстера Ширш.

– Поехали! – крикнул Мартынов, и бойцы на одно мгновение замерли, словно услышали с того света знакомый голос прошлого своего командира. Но тут же Ширш стегнул гнелю в первом ходу, и они вырвались из ворот съезжего двора, едва не затоптав прибывшего не вовремя полицмейстера, подняв столбом пыль, скрывшую их на время от любопытных прохожих, и понеслись вниз по Почтовой...

Николай мчался на свой первый пожар. Волнение вдруг завладело им, он перебирал в голове всё, чему успел обучиться за пару недель до того, как занял должность отца. Остальное предстояло освоить в огненном бою, испытать себя, доказать товарищам, что станет для них командиром. И будет он другим – нет, таким же смелым и грамотным, как отец, но не похожим на Мартынова – старшего. Он поймал на себе взгляд Ширша и отчего-то обозлился.

– Чего тебе, Емельян?

– Едем, Ваше благородие, версты две осталось не более, – весело ответил Ширш.

Николай стал глядеть вперёд.

– Что я им, мальчишка что ли всё, – думал он зло. – Ничего, время будет – докажу им на что я гождусь...

Огонь на Струнной к приезду обоза занялся уже на крышах двух домов. Повсюду бегали люди с ведрами и лопатами. Крик стоял невообразимый оттого, что купчиху – толстую, одетую в яркие, как сам пожар одежды – не пускали в горящий дом за добром.

– Пустите, окаянные, как я жить буду, – орала благим матом купчиха. – Всё же там, всё у меня в избе!

Пожарные спешили и бегом принялись раскатывать рукава вдоль улицы. Дорофеич уже крепил их прочно к насосу, чтобы, как всё будет готово, дать губительную для огня воду. Посреди улицы на коленях стояла старуха, держа в руках икону Неопалимой Купины и непрерывно читая молитву. Глядя вверх на горящие крыши, идущий Мартынов чуть было не сшиб её наземь.

– Отрезать его надо, Емельян, сперва – верно я мыслю? – нисколько не стесняясь, спросил он совета у Ширша.

– Точно, Ваше благородие, он за ветром на запад идёт, значит, оттуда навстречу пойдём, его и схватим, – подтвердил Ширш. – Воду давай!

Из водоливных труб, что уже были направлены в самый очаг пожара крепкими руками пожарных, вверх на несколько саженой взметнулись водяные струи. Струи ударили по крыше, разлетаясь от удара, образуя фонтаны и потоки. Огонь тут же начал прятаться от воды, прижимаясь к горящим почерневшим брёвнам. Но глазам верить было нельзя – зверь затаился где-то недалеко. У насоса двое бойцов работали без усталости, качая воду, Дорофеич каждый раз проверял рукава – не порвались ли где.

– Что же вы долго так ехали, окаянные! – набросилась на Мартынова, чудом вырвавшаяся из объятий соседей купчиха. – Идите в дом немедленно, товар весь там у меня, сукно. Христа ради прошу, родненькие! Иначе гибель мне!

Мартынову вдруг стало жалко толстую купчиху. Растерявшись от её слёз, он решил было снарядить во главе с собой двух пожарных, чтобы пробраться в дом.

– Куды Вы, Ваше благородие? – возник тут же как из-под земли Ширш и обернулся к купчихе. – А ну, посторонись, говорю, зашибёт – зачем тебе сукно тогда? Погасим скоро, а что останется – всё твоё.

Пожар уже начал сдаваться, хотя и не показывал виду. Он ещё веселился назло всем на догоравших брёвнах, тяжело дышал у самых ног пожарных, топтавших его своим сапогами, и всё же умирал. Мартынов огляделся: Дегтярёв обрушивал остатки сарая, Дорофеич уже тянул мокрые рукава и с размаху бросал их на линейку, чтобы хоть чуток просохли в обратном пути. Неожиданно с правой стороны со ската крыши повалил сильный дым. Помощник брандмейстера хотел было послать бойца проверить, но Ширш с командой возился с другой стороны, отгоняя любопытствующих от едва потушенного пожара.

– Разгорится опять, – подумал Мартынов и, взяв с линейки «кошку» с привязанной прочной верёвкой, подошёл к стене. Примерявшись, он, как не раз делал отец, раскрутил на верёвке кошку и бросил на самый конёк крыши. Острые крючья зацепились за край, и Николай полез по верёвке вверх, перебирая по стене ногами.

Спустя несколько секунд, оказавшись на полусгоревшей крыше, он заглянул внутрь сквозь прогар. Дым окутал его, разобрать чего-либо было невозможно. Мартынов заметил оставленный кем-то из пожарных лом, воткнутый в доски. Он дёрнул его – лом не поддавался. Он дёрнул сильнее – лом, вывернув дерево, нехотя пополз ему в руки. Николай крепко упёрся ногами в крышу и, размахнувшись, ударил наугад в дымящуюся дыру – один раз, другой, третий...

– Ваше благородие, Вы чего там? – крикнул снизу подбежавший Ширш. – Я сейчас, обождите только!

– Не видно, где-то хоронится внутри, – громко ответил Николай, ударив ещё раз.

В то же самое мгновение из прогара вырвался прятавшийся там пожар и ударил прямо в лицо помощнику. Мартынов отшатнулся, сделал шаг назад и, оступившись, рухнул в прогар вместе с обломками крыши...

Достали Николая Мартынова тут же. Ворвавшиеся в дом Ширш и Дегтярёв нашли командира лежащим без чувств на суконных тюках. Ширш начал бить что было сил Николая по щекам, трясти его, словно пытаясь разбудить спящего пьяного человека.

– Ваше благородие, Николай Алексеич! Коля! – кричал Емельян. – Да что же это!

Мартынов вздрогнул, открыл глаза и повёл кругом ничего не понимающим взглядом, точно на самом деле был пьян.

– Где я? Емельян... Захар – вы... Что стряслось со мной?...

– Слава тебе, Господи, слава тебе, – только крестился Ширш.

Мартынов пришёл в себя. Повсюду валялись дымящиеся тюки сукна, катушки нитей. Над самым ухом его что-то протяжно завывало, и Николай ещё раз тряхнул головой, подумав, что стукнулся всё же сильно.

– Ах, окаянные, всё сгорело, испорчено всё! – выла купчиха, стоя на коленях перед своим, пришедшим в негодность, товаром. – С жалобой на вас к полицмейстеру и главе городскому пойду. Найду управу на вас, бездельники!

На улице пожарный обоз уже собирался в обратный путь. Мартынов, ещё поддерживаемый Ширшем, сел на линейку, и обоз тронулся к центру города, провожаемый босоногими мальчишками и суровыми взглядами кузнецов, вновь вернувшихся к своим горнам и мехам...

Брандмейстер Бодров был вне себя. Узнав о происшествии, приключившемся с Мартыновым-младшим, он уже полчаса ходил по кабинету, куда вызвал помощника, чтобы отчитать его. Как он будет его отчитывать – по-отечески или как начальник подчинённого – Бодров ещё не решил, но волнение за названного своего сына ещё не улеглось. Ему представилось на миг, что тот погиб на первом своём пожаре. Погиб по недомыслию, по вине старших товарищей, не доглядевших за молодым и отчаянным командиром. Да и его не было рядом как назло, иначе

Бодров бы сам непременно выехал с обозом на пожар. Первым под горячую брандмейстерскую руку попал Ширш, которого он встретил в конюшне.

– Я тебя! – подступил он к старшему пожарному. – Не уберёг, не доглядел? Ну, Емельян, бога благодарю, что всё обошлось, а то бы я тебя...

Бодров занёс было руку, но остановился.

– Где Мартынов? В караульной? Как очухается – ко мне его, немедленно!

Николай, едва держась на ногах от понесённого удара, поднимался по лестнице к Бодрову. Постучав в дверь и, не дождавшись ответа, он распахнул её и вошёл. Брандмейстер стоял, отвернувшись к окну.

– Ваше высокоблагородие по приказу прибыл... – преодолевая сбивавший его с толку шум в голове, стал докладывать Мартынов.

– Брось, Николай Алексеич, брось! – резко обернулся Бодров. – Всё брось теперь же – доклады, службу! Или как дальше будем работать, я тебя спрашиваю? Ты мне живой нужен, живой. Смелость, она тогда нужна, когда знаешь для чего головой рискуешь. А здесь без надобности было – никуда бы пожар твой не делся.

Брандмейстер подошёл к Николаю и взял его за плечи.

– Тебя бы под арест на сутки за самоуправство, ну да ладно, – улыбнувшись, наконец, от мысли, что его Николка стоит перед ним живой, сказал Бодров. – За то, что не побоялся – хвалю, а за глупости и впредь корить буду – не обессудь. Иди сейчас домой и матери ни слова.

Выйдя от Бодрова, Мартынов направился напрямик в казарму, где жили пожарные. Поселить их при части неотлучно решил однажды всё тот же Перовский. В один из жарких дней загорелись шорные мастерские в самом центре Оренбурга. Губернатор, на счастье или на беду, как раз ехал мимо. Остановившись, он принялся помогать погорельцам спасать добро. Спустя минут десять подъехала одна полупустая линейка с тремя бойцами и сигнальщик с трубой.

– Вы куда подевались, спрашиваю? – удивился Перовский. – Где это видано – губернатор у них пожары тушит, а они досыпают!

– Никак нет, Ваше высокопревосходительство, – выпалил один из служителей. – Отправили вестовых по домам собирать – воскресенье ведь!

Перовский никуда не уехал, а дождался брандмейстера с бойцами. Пока те гасили огонь, губернатор наблюдал за их работой, стоя поодаль. А после приказал, чтобы жили отныне при части неотлучно и спали, не снимая сапог.

– Пока поприезжаете от баб и шей своих к пожару, весь Оренбург сгорит, – не приняв никаких возражений от брандмейстера, отрезал Перовский. – Быть все сутки на съезде двора...

В казарме стоял запах готовящейся похлёбки с примешивающимися, словно приправа, ароматами сапог, брезента и ещё чёрт знает чего. Николай поморщился, хотя всё это знал с детства. Кто-то спал, укрывшись от назойливых мух робой, кто-то чинил прохудившийся сапог, кто-то собирался непременно выпросить увольнительную, чтобы хоть чуток обнять жену и детей. Мартынов поискал глазами Ширша – его нигде не было. Нашёл он его в конюшне, где Ширш вместе с зашедшим по его просьбе кузнецом, решили подковать Француза.

– Второго дня хватились, а подковы-то у красавца нашего и нет, – сокрушался тот. – На счастье кому-то оставил.

– Надо прибить, а то ногу попортит, – со знанием дела рассматривал конское копыто кузнец.

– Емельян, поди сюда, разговор у меня к тебе, – позвал Ширша Николай.

– Сию минуту, Ваше благородие, – Емельян кивнул кузнецу, чтоб он делал дело.

Мартынов поискал глазами место поуютнее, и они присели у пустующей конской привязи в дальнем углу двора.

– Емельян, ты с отцом десять годков вместе в огонь ходил, – начал непростой разговор помощник. – Знаю, что доверял он тебе одному может более, чем брандмейстеру даже. Я у тебя спросить хочу: не знаешь ли, что это за загадка такая?

Николай повернул отцовскую каску той стороной, где был отпечатан таинственный непонятный знак, чудом появившийся той ночью на чистом листе, лежавшем на столе в доме Мартыновых. Ширш вдруг побелел, будто увидел ожившего покойника, и поднял руку для крестного знамения.

– Ты чего, Емельян? – не понимая, что происходит с его смелым и отчаянным товарищем по делу, спросил Николай. – Что такое?

Емельян Белоусов взял в руку каску, ещё раз внимательно взгляделся в знак и прошептал.

– Господи, быть такого не может! Пойдём со мной, Николай, пойдём ещё подальше...

История, рассказанная в тот вечер Ширшем, сразила Мартынова. Он, оглушённый до этого своим падением, теперь к тому же словно ещё и онемел от услышанного.

– Отец твой не велел говорить про то до поры, но уж коли так вышло, – начал свой длинный рассказ Ширш. – Показал он мне как-то амулет странный. Я ж не поверил ему тогда. Ну, думаю, мало ли человек во что такое верит тайно, в богопротивное всякое. Он же крестился тогда всё, говорил, что к батюшке ходит каяться. Было это в службу его на Кавказе. Вошли они с боем в горный аул. Перестрелка, значит, кругом абреки убитые, да и наших polegло тоже немало. Они с сотоварищем в один дом забежали, а там никого – только дед старый, да полуслепой. Товарищ его саблю-то вскинул, чтоб зарубить, а батюшка твой остановил его – не надо, дескать, греха на душу брать. В общем, спас он горца этого тогда – уж не знаю, чем тот ему глянулся. Когда из аула того уходили, старик ему амулет дал железный. По-русски старик говорил плохо, но дал понять, дескать, носи с собой, не снимай. Вроде как убережёт он от смерти, как его самого берёт.

– Ух ты! – схватило у Николая дух. – Ни разу не видел я у отца его, и теперь нет его в доме нигде – уж все вещи отцовские переглядел. Где же может быть, а?

– Не было его на нём, Коля, – пожал плечами Ширш. – Когда хоронили-то, не было. Не знаю я про него ничего более.

– Значит, не боялся он в огонь идти, потому что знак этот на нём был, вот оно как. Потерял, значит. Неужто из-за потери этой и сгинул? – задумался Николай. – Ну, видно судьба мне без амулета того быть.

– Так нет же, Коля, – прервал его мысли Ширш. – Амулет этот я хорошо помню, вот только в толк не возьму – откуда он на каске появился? Не было там его раньше...

Мартынов шёл домой словно в тумане, не замечая знакомых, раскланивавшихся ему по дороге. Он опять вспоминал до самых мелких подробностей ту ночь, когда мёртвый отец искал каску, знак, неведомо каким образом, оказавшийся на бумаге и на каске. Что хотел сказать ему отец? Так, в раздумьях, он добрёл до порога дома.

Дарья возилась с ужином. Аромат в доме стоял такой, что спасу не было от набегавшей во рту слюны. И самый сытый человек захотел тотчас бы попробовать хозяйкину снедь. Наваристый борщ булькал в чугунке на печи, исходящим дымом окутывая стол. А рядом стояли накрытые чистой тряпицей свежие вареники с картошкой. В румяный и пышный хлеб, только что вынутый Дарьей из печи, хотелось окунуться всем лицом, словно в самую благодать, и вдохнуть его свежесть. Всё это съестное великолепие дополнял острый запах чеснока, щекотавший ноздри Николаю.

– Здоровы будьте, матушка и Маша, – снял форменную фуражку Мартынов, повесив её на крюк у входа, и, войдя в горницу, перекрестился на икону в красный угол. – Хорошо, что ужин поспел.

– Пospel, Колюшка, ждали тебя, уже час как ждали, боялась, не случилось ли чего, – заворковала Дарья, поспешив накрывать на стол. – Машенька, пособи мне – Коленька дома уж, ужинать сядем!

Вся любовь, которую хранила Дарья Мартынова к мужу, без остатка перешла теперь к сыночку. Глядя на него, она каждый раз вспоминала своего Алексея и потом, втихомолку, чтобы не видели Николай и Маша, плакала, закрывая рот мокрым от слёз платком. Поминая покойного супруга в храме, Дарья всегда благодарила бога за то, что оставил ей сына и дочь, и просила одного: не дожить до их кончины, а уйти, как и положено, вначале самой к любимому своему Алёшеньке, который дожидался её теперь в другом, вечном, царствии.

– Со службой ты определился, сыночек, – с тревожной лаской, словно думая о неизбежном своём материнском будущем, вдруг обратилась она к Николаю, пока тот уплетал за обе щёки мамкин борщ. – Жениться-то думаешь теперь?

– Чего это Вы, матушка, разговоры такие затеяли, – чуть не поперхнувшись куском, выдавил Николай и принялся откашливаться.

– Ну, ешь, ешь, родной мой, – испугалась Дарья, что попортит аппетит сыну. – Не слушай меня, не про то я.

– Пусть Маша сперва замуж выскочит, а я погляжу, как да что, – развеселился Николай, подмигнув сестре.

– Когда выйду – моё дело, – озорно показала брату язык Мария...

Когда все улеглись, Мартынов, подойдя к своему столу, зажёл свечу. Положив перед собой чистый лист, он начал быстро писать, окуная перо в чернильницу. Рассказ его получался незамысловатым, но совсем не таким, когда пару месяцев назад Николай пришёл в писательское общество. Он писал и писал, не замечая часов, и через какое-то время сон склонил его голову на исписанный лист...

Отец приснился Мартынову во второй раз. Никакой крови на этот раз на нём не было. Напротив, он стоял у пожарной части в красивом белом мундире и начищенных сапогах, с плеча его спускались эполеты. Он был весел и красив, и на лице его Николай даже не увидел страшного черкесского шрама. Все – и Бодров, и Ширш, и Дорофеич бросились к нему, чтобы обнять. Николай тоже пошёл было к отцу, но тот отчего-то остановил его, протянув навстречу руку с поднятой сверху ладонью. Николай почувствовал знобящий холод. Отец сам приблизился к нему и начал расстёгивать пуговицы мундира, и Николай с ужасом увидел, что под мундиром вместо груди у отца зияла чёрная дыра. Он сунул в эту дыру свою руку и достал оттуда амулет!

Мартынов резко проснулся и вновь прочёл молитву...

***

Наутро в части случилось событие: на содержании обоза появился новый кот. Прежний рыжий Матвей служил при части долгих десять лет. Исправно ловил мышей, доставлявших немало хлопот, а самое главное, всегда провожал обоз по тревоге. Стоило зазвонить караульному, и Матвей, где бы он ни был – ел или прогуливался по крышам с местными хвостатыми барышнями – бросал всё и являлся по тревоге в конюшню. Напоследок кто-то из бойцов обязательно гладил его перед тем, как помчаться на пожар. К такой примете все привыкли, и даже брандмейстер интересовался время от времени, как там пожарный Матвей. Состарившись, кот помер, как и положено всем котам, пропав однажды ночью навсегда.

Коты в части, как и лошади, непременно должны были быть одной масти. Так что рыжего искали по городу долго, прежде чем принести брандмейстеру на утверждение. Новому пожарному, вместе с обязательством ловить мышей, полагалось довольствие. Спустившийся Бодров,

взяв за шкурку пока ещё безымянного наследника Матвея, разглядывал его, будто породистого щенка.

– Ишь, морда вредная какая, – брюзжал начальник. – Ну, чего уставился? Мышей-то как ловить ведаешь?

Котёнок, не зная, что перед ним тот, от кого зависит благополучие его кошачьей судьбы, извернувшись, умудрился дотянуться когтистой лапой до брандмейстерского уса.

– Ах, ты, шельма, – отпрянул тот. – Как кликать-то будем, а?

Имена тут же посыпались, как из церковных святок: Рыжик, Васька, Огонёк...

– Уймись уже! Нет, не солидно всё как-то, – не оценил старания бойцов Бодров. – Кузьмой назовём. Нет же у нас Кузьмы, чтоб не путать?

Пожарные дружно заготовили над шуткой, и в тот же день судьба Кузьмы была решена. Тем временем, разобравшись с кошачьими делами, Бодров уединился в кабинете с унтер-офицером Петровым.

– Ну, что про икону и пистоль вывести смог, Иван Яковлевич?

– Доподлинно ясно, Степан Степанович, что в доме сотника, как пожар загасили, двое оставались – Кондрин и Дегтярёв, – докладывал Петров. – Для чего – неясно. Не более четверти часа были, огня уж не было, и что там делали – кто его знает.

– Что ты мне всё неясно, да кто его знает! – перебил его Бодров. – Ты мне разузнай, может, кто деньгами разжился или предлагал чего продать. Ежели доказательств нет, то чего напраслину в подозрениях держать. Кондрин, говоришь, Макар Дорофеич, значит. И Дегтярёв, ну-ну... Нет, сдаётся мне тут кто-то половчее был – уж больно быстро всё, поганец, сделал, с умом. Не верю я, что это нашего пожарного племени разбойник. Ведь не было давно такого, я тебе говорю, не было.

Вопрос этот не давал брандмейстеру покоя уже не первый день. Он отказывался верить, что кто-то из его бойцов, за каждого из которых он готов был в душе поручиться, совершил кражу на пожаре. Нет, не тот человек пожарный. Недостатков у него, конечно, великое множество: груб, грамоте, не обучен, выпить горазд, чего уж греха таить. Но мародёрничать – этого Бодров допустить для себя не мог. Петров давно ушёл, а Бодров всё думал и думал о происшествии...

***

Осень в Оренбурге наступала вместе с её неизменными дождями, ветром и грязью на улицах. Грязь эта была такой жирной и чавкающей – стоило лишь чуть отъехать от Николаевской – что оставить в ней можно было не только калоши, но и целые сапоги с ногами вместе. К октябрю развезло так, что конные повозки, въезжавшие в центр на мостовую с улиц и проулков, ещё некоторое время скользили по камням, словно по льду. Они оставляли за собой длинные глинистые следы, напоминая фланирующей публике о том, что здесь им не Петербург и не Москва. Сам пожарный обоз с пожара доезжал до части таким же грязным, будто линейки тащили по распутице волоком, то и дело сваливая боками на землю. Мартынов с Петровым, не давая отдыха уставшим бойцам, велели тотчас же очищать колёса и лошадей. Дело это было неблагодарное, поскольку дожди, а вместе с ними и грязь, не прекращались уже третий день.

К исходу одного из таких унылых дней к полицейскому управлению подходила барышня. Мартынов, скучавший у окна в отсутствие пожаров, заметил её ещё с угла Почтовой. Руки девушки были спрятаны в тёплую муфту, из которой она поочередно вынуждена была их вынимать, поднимая подол длинного «в пол» пальто и платья, чтобы не запачкаться. Приподнятый подол на время открывал мужскому взору помощника брандмейстера дивную ножку, обутую в красный дамский сапожок, утопавший точёным каблучком в грязи при каждом шаге.

– Наверняка из приезжих, – пытался угадать Мартынов. – Что у неё за необходимость, чтоб в такую слякоть к полицмейстеру идти?

Войдя в съезжий двор, барышня тем временем остановилась и обратилась к появившемуся из конюшни Дегтярёву.

– Любезный, не скажете ли, как к брандмейстеру Бодрову пройти?

– А на что он Вам, барышня? – неучтиво, бесстыдно разглядывая незнакомку с ног до головы, ответил Захар. – К нему после доклада можно. Как прикажете доложить о Вас?

– Ну, коли так, то доложите, любезный, что дочь к нему пришла, – отвернувшись от наглого Захара, сказала девушка.

– Ох, это мы мигом, мадемуазель, сию же минуту доложу, – невпопад подбирая слова из своего скудного запаса, засуетился Дегтярёв. – Да Вы уж не стойте под дождиком – заходите, заходите!

Дочь Бодрова, капризно поджала маленькие губки. Прищурившись и чуть удостоив взглядом провинившегося пожарного, давая всем своим видом понять, что прощения он пока не заслуживает, барышня вошла в дом. Прихрамывавший следом, оконфузившийся Захар всё ещё собирал слова.

– Так Вы, это, батюшке кланяйтесь, а мы, ежели помощь какая потребуется, всегда готовы, – совсем не к месту бубнил он вслед барышне.

По пути, как бы совершенно случайно, навстречу ей попался Мартынов. Чуть кивнув в ответ на более чем учтивый наклон головы Николая, брандмейстерская дочь с достоинством проследовала к кабинету своего отца. Николай успел разглядеть её: открытое правильное лицо, светлые волосы, выбивавшиеся из-под чёрной шляпки, и глаза – огромные, голубые, словно не одно, а сразу два неба наполнили их по воле Создателя своим цветом. На спине девушки лежала толстая, туго сплетённая коса. Девушка была прекрасна! В этом мрачном осеннем вечере вдруг появилось нечто неземное, спустившееся сюда невесть откуда.

– Вот и пришли, мадемуа..., – начал было Захар, но Мартынов, повернувшись к нему, приставил палец руки к своим губам, дабы тот не усугублял своё положение.

– Оленька, солнце моё! – раздался крик обрадованного Бодрова. – Когда же приехала? Почему не известили, чтоб встретил? Радость ты моя!

Ольга, барышня девятнадцати лет от роду, вернулась домой в Оренбург из Петербурга после учёбы. Шесть лет, проведённых там, оставили неизгладимый след в её чувственной и нежной душе. Музеи, театры, балы – ах, как всего этого будет не хватать ей здесь, в Оренбурге! Но данное батюшке обещание возвратиться, не выскочив наскоро замуж без родительского благословения, Ольга выдержала. Светская столичная жизнь, которой она лишь слегка – насколько позволяли строжайшие рамки института благородных девиц – успела коснуться, не сумели превратить её в кокетку, избалованную мужской лестью. Она и теперь оставалась скромницей, возвышенной натурой своей заставлявшей обращать на себя внимание лишь людей весьма незаурядных.

– Николай Алексеич, пойдите немедленно ко мне, – всё столь же радостным голосом позвал помощника Бодров. – Я Вас сейчас представлю.

С Николая разом слетела вся его природная смелость. Но виду молодой человек не подал и уверенным шагом вошёл к брандмейстеру.

– Вот, Николай Алексеич, знакомься – Ольга Степановна, несравненная доченька моя вернулась, – не сводя глаз со своей красавицы, представил гостью Бодров. – Сколь ни ожидал звёздочку мою, а приехала неожиданно.

Знакомься, Оленька: Николай Алексеич Мартынов, сын друга моего погибшего.

Ольга сделала легкий книксен, опередив поклон совсем растерявшегося от такой красоты Мартынова. Нет, барышни вовсе не обделяли вниманием молодого унтер-офицера, но на этот раз... Всё смешалось в голове Николая, и он, чувствуя, что не в силах отвести от дочери начальника глаз, попытался было учтиво откланяться в затянувшейся паузе.

– Радость у меня нынче, Николай, – заметив не случайную растерянность помощника, обратился к нему штабс-капитан. – Так что, прошу тебя в гости к нам к ужину сегодня же...

Непросто, ох как непросто в наше время заслужить расположение понравившейся тебе барышни! Никогда не знаешь, что у этих барышень на уме. Иной раз и делать ничего особенного не стоит, а глядишь – и уже юная девица, приходящаяся дочерью какому-нибудь знатному городскому лицу, сама обращает на тебя внимание тайным взглядом или перешёптываниями с подружками. И пусть для примерных воспитанниц, как говорят тамап, это совсем недопустимо – глупости! А другой раз кавалер из кожи вон вылезет со своими ухаживаниями, а хлопоты оказываются напрасными. Женских мыслей мужчине даже понимать не стоит. Отчего не замечавшая его ещё вчера барышня, сегодня роняет у его ног платок, давая надежду, а завтра вновь проходит мимо вконец ошарашенного кавалера? Да бог его знает, господа! Бог его знает!

Собиравшийся на званный ужин к брандмейстеру Мартынов был в женских делах весьма неопытен. Сестра Мария, казалось, переживала за брата больше, чем он сам. Словно уже зная, чем женщина может ранить мужское сердце, она опасалась давать ему какого-либо совета, боясь навредить или переусердствовать. В одном она не сомневалась: выбор её любимого брата Колюшки плохим не будет. Даря же сидела подле сына со счастливой улыбкой на лице, мысленно благословляя его...

В доме Бодровых было по-праздничному светло и уютно. Супруга Степана Степаныча Елизавета Михайловна была хозяйкой радушной и приветливой. Брандмейстер был женат вторым браком – первая его жена скончалась от чахотки много лет назад, не оставив ему наследников. Зато Елизавета родила ему сына Семёна, что служил офицером в Москве, и дочку Ольгу, в которой отец души не чаял.

Войдя в залу, Мартынов прежде опасливо покосился на стоявший на комодке канделябр и, убедившись, что расстояние до подсвечника весьма приличное, со всей своей учтивостью поклонился хозяевам.

– А вот и Николай Алексеич, голубчик Вы наш, – распростёр свои объятия навстречу гостю Степан Степанович. – Оленька, голубушка, спускайся к нам – ужинать будем.

Ольга появилась на лестнице, ведущей на второй этаж дома, в нежном розовом платье, облежавшем её тоненький стан, с пышными рукавами и юбкой. Волосы её были всё также сплетены в тугую косу и открывали правильное, без изъянов, совсем ещё юное лицо с чуть вздёрнутым носиком, тонкими подведёнными бровями и маленькими пухлыми губами. На этот раз Мартынов оказался проворнее и первым поклонился Ольге, не опуская, между тем, глаз, залюбовавшись явлением самого природного совершенства.

За ужином Бодров много шутил, подливая себе и Мартынову вина, и рассказывал весёлые пожарные истории, ожидая к ним живого интереса от дочери и Николая.

– Это при батюшке твоём было, Коленька, – завёл очередную, то ли былё, то ли байку, хозяин. – Тушили мы дом одного мещанина, а там котов видимо-невидимо. Вроде в самый огонь воду льёшь, а оттуда непременно кот выскакивает. И все они чёрные, как один. Бойцы наши уж и трубы побросали, крестятся, испуг их взял не на шутку. Мещанин тот божится, что не его это твари кошачьи. Мол, сам не ведаю, откуда они взялись. А соседи, возьми да подлей

масла в огонь: мол, жена у мещанина – колдунья! Ворожит с утра до ночи. Ну, наши —то неучи ни в какую тушить не хотят. Насилу заставил.

– Батюшка, ну полно Вам, – мягко остановила отца Ольга. – Вот Николаю Алексеичу вовсе неинтересно Вас слушать, наверное. Он молчит всё больше.

Мартынов отложил прибор.

– Батюшка Ваш мне вместо отца нынче стал, – учтиво ответил Николай. – А поэтому к слову его прислушиваюсь, как к родительскому. Вы уж не обессудьте, Ольга Степановна.

Ольга поглядела на Мартынова своими небесными глазами. Николай почувствовал, что его будто вмиг окутало благодарным теплом самого Олиного сердца. Она исподволь бросала осторожные взгляды на Николая. Ольга ещё пыталась понять, тот ли он на самом деле, показавшийся ей настоящим, со скрытой силой и надёжностью во всём, или надел для неё эту хитрую маску...

С началом зимы в крае закуролесили метели, заметая следы неприбранных осенних пиршеств с их сорванной и брошенной наземь листвой, с не высохшими до дна лужами и с причудливо застывшими на морозе грязными дорогами. Словно гости, пришедшие погостить к бога-тому солнечному сентябрю с его урожаями, разноцветьем листьев и ночными прохладами для прогулок, не расходились, разоряя его постепенно, оставив, в конце концов, лишь пустоту и потускневшие осколки праздника во всём доме.

В части топилась печь, и короткими вечерами пожарные латали рукава, готовили зимние водоливные трубы. В декабрьский день, когда случился пожар у купца Харламова, недалеко от архиерейского дома, мороз был страшный. Прибыв к горевшему дому, бойцы, взявшись за рукава, обнаружили, что те стали каменными. Не успев просохнуть от воды, они стояли колом. А когда всё же подали воду, то рукава начали лопаться, направляя водяные струи в разные стороны.

– Что ж за беда такая, – пытаюсь хоть как-то наладить дело, суетился Мартынов, сам в окаменевшей на морозе робе. – Братцы, хоть ведрами, но загасим – иначе никак!

Спустя три часа, измотанные вконец пожарные, потушив дом, вернулись в часть. Одежду можно было рубить топорами. Дорофеич, чуть не приморозившийся в этот день к насосу, напрочь отморозил пальцы на правой руке. В тепле они так и не начинали болеть, а поэтому помощник Петров немедленно послал за лекарем.

– Худо дело у тебя, – осмотрев руку Дорофеича, сказал лекарь. – Как бы отрезать не пришлось.

– Да как же это, – взмолился тот. – Что ж я за пожарный без руки буду?

– погоди раньше времени. – Доктор наложил повязку с мазью и ушёл.

Дорофеич стал смурным, ни с кем из товарищей не заговаривал, как бы они ни пытались поддержать его. Будто почуяв неладное, к Макару прильнул кот Кузьма. Пожарный поднял его здоровой рукой себе на колени, и они просидели так целый вечер...

А наутро в караул ворвался разъярённый Бодров.

– Становись, мать вашу! – заорал он не своим голосом. – Становись все разом! Мартынов, Петров – туда же подите вместе со всеми!

Отвыкшие от такого гнева бойцы во главе с помощниками вмиг вытянулись вдоль повозок, не зная ещё, что за злая муха и в какое место укусила брандмейстера в это холодное утро.

– Вы что, братцы, вы что творите-то, а? – начал ходить, заложив руки за спину, вдоль строя Бодров. – Не ведаете ещё? А я ведаю! Ведаю, что вчера из дома купца Харламова, где пожар гасили, пропали золотые червонцы, камения драгоценные из шкатулки и брегет золотой с цепочкою.

Мартынова обдало холодным потом. Он чувствовал позор, оттого что командовал вчера на том пожаре. Стоявший рядом Петров тоже замер навзрыд – чего ждать дальше?

– А ну, все в казарму идём, сейчас уж городские будут, – отрезал брандмейстер. – Выверну наизнанку каждого – обиды не держите. Или кто сам сказать сейчас хочет?

Он с надеждой оглядел подчинённых. Те выглядели растерянными, но в глазах их начальник не увидел ни испуга, ни желания спрятаться за спину. Бодров и сейчас не верил, что это его пожарные – грабители и мародёры, не побоявшиеся бога, нарушившие честь, запятнавшие собой всю часть и всех своих товарищей. Брандмейстер первым вошёл в казарму с тяжёлым сердцем.

– Доставайте всё, как на духу, – глубоко вздохнув, сказал Бодров. – И карманы тоже. Ежели кто не хочет перед товарищами – неволить не могу. Пусть городские своё дело делают.

Пожарные не спеша стали выгребать из походных мешков и коробов, стоящих у кроватей, свои нехитрые пожитки. На свои двадцать рублей жалования каждый из них нашёл немного. Пара нательного белья, свежие порты, простые походные иконки. Кто-то выложил перед собой деревянную резную ложку, кто-то – оловянную кружку, отмытую и припасённую до очередных празднеств. Никто не упряился, как и всякий смиренный русский человек, понимая, что кого из них станут казнить, а кого миловать будет решено без их участия. И оттого, глядевшему на всё это Бодрову, стало нестерпимо стыдно и больно. Он отвернулся, чтобы не видеть всего, дав знаком Мартынову и Петрову команду досматривать вещи бойцов.

Спустя пару минут всё, вытряхнутое из мешков и коробов, лежало перед глазами помощников. Последним возился Дегтярёв.

– Ты чего там, Захар? – окликнул его Мартынов.

– Как же это, как же... – не своим голосом вдруг прошептал Захар.

Все окружили его. На ладони Дегтярёв держал два царских золотых червонца, только что вынутых им из мешка. Захар обвёл взглядом товарищей. Те опустили глаза. В казарму как раз вошёл полицмейстер в сопровождении двух городских. Захар так и держал на ладони червонцы.

– Вот Вам крест, Ваше высокоблагородие, – обратился он, белый как мел, к Бодрову. – Не моё это. Откуда взялось, знать не знаю. Вот вам всем крест мой.

– Они, Ваше превосходительство, – сказал один из городничих. Подойдя к Дегтярёву, он забрал у него краденые золотые и рассматривал их со знанием дела. – Из того самого золота, что с новых Ленских приисков добыто.

Полицмейстер Рукомойников взял червонцы, покрутил их в руке и кивнул городничим.

– Ну, пойдём, братец, – положил городничий руку на плечо Дегтярёву. – Пospешай.

– Вот вам крест, братцы, не брал я, – шептал, еле передвигая ноги, Захар. – Не думайте худого обо мне, не брал я.

Рукомойников подошёл к Бодрову. Брандмейстер стоял, всё так же отвернувшись к стене, ещё не веря в происходившее. Лицо его не выражало ровным счётом ничего, кроме опустошения и какого-то бессмысленного разочарования во всём.

– Вот что, Степан Степанович, завтра же с утра пожалуйте ко мне, – попросил полицмейстер....

***

Наутро Ольга пришла в часть и вызвала Мартынова. С того званого ужина они виделись уже несколько раз, и после испытанной взаимной симпатии отношения их развивались. Они оба искали поводы для встречи и оба же непременно находили их. Будь то случайные свидания быстро темнеющими вечерами на зимних городских улицах или в городской библиотеке.

– Николай Алексеевич, никак в толк не возьму, что с батюшкой стало, – с тревогой в голосе начала она разговор. – Вернулся вчера чернее ночи, молчит – слова за весь вечер не вымолвил. Вот и теперь думаю – идти к нему или нет?

– Успокойтесь, Ольга Степановна. Так, по службе это, мелочи всякие, – поспешил сказать Мартынов. – С визитом к батюшке погодите пока. Образуется всё, непременно образуется.

– А где же ваш Захар хромой, что так меня встретил тогда? – заинтересовалась напоследок Ольга. – Вы ему передайте, что зла на него не держу совсем. Он, видно, человек-то хороший. С той поры, как завидит – кланяется издали уж.

– Передам, Ольга Степановна, непременно передам, – опустил глаза Николай, и на сердце его сделалось тяжело...

Тем временем Бодров был в кабинете полицмейстера Рукомойникова. Они служили вместе уже без малого лет десять, и начальник полиции знал брандмейстера как человека исключительной порядочности и верности своему долгу. И хотя в близких друзьях они не состояли, Рукомойников и сейчас верил Бодрову как самому себе.

– Брось убиваться, Степан Степаныч, – успокаивал он сослуживца как мог. – Не тебе ответ за него держать. Скажу тебе, что допрос будем чинить со всем пристрастием. Всё выведем и про поделльников его – один он не управился бы.

– Да не верю я, что Захар такое удумал, не верю, – вскинулся брандмейстер. – Понимаешь ты это, Пётр Петрович? Будь они прокляты эти червонцы, откуда они взялись у него? Где остальное успел припрятать и с чего вдруг эти оставил? Не сходится как-то.

Брандмейстер вдруг заметил на столе у Рукомойникова форменную пуговицу, чуть почерневшую, будто опалённую огнём. Он впился в неё глазами.

– Это вот на месте, где шкатулка с камнями у купца стояла, нашли, – заметив интерес Бодрова, сказал Рукомойников. – Не знаешь, чья может быть?

Бодров лишь покачал в ответ головой: не знаю.

– Ладно, во всем разберёмся, Степан Степаныч, – отрезал полицмейстер. – Ты иди уже на службу, с богом.

Бодров ушёл, а полицмейстер тотчас же вызвал к себе помощника Исаева.

– Ты, любезный, сделай-ка то, что я просил тебя, да поскорее, – приказал он городничему. – Ответ мне нужен к исходу месяца – время не терпит. Как там наш вор, пожарный этот?

– Спокойно, вроде. Чего ему под арестом сделается, – ответил Исаев. – Сегодня же допросим как надо – всё и скажет.

– Ну-ну, – задумчиво протянул полицмейстер. – И принеси-ка мне бумаги те, про которые я говорил.

– Сию минуту, Ваше превосходительство...

***

К вечеру Дорофеичу стало хуже, пальцы распухли и почернели. Приехавший лекарь немедленно отправили его в больницу. Уходя, Макар прижал к себе Кузьму и поцеловал его в пушистую кошачью морду. Когда он вышел за ворота, Кузьма ещё долго бежал следом, жалобно мяукая, думая, что так полюбившийся ему Макар уже не вернётся обратно...

Брандмейстер Бодров поздним часом закрылся у себя в кабинете, и точно так же, как в день смерти Алексея Мартынова,пил горькую. Бойцы, оставшись в казарме, выставили караульного, чтобы тот в случае чего дал знак – что придёт на ум выпившему командиру одному богу известно.

– Как же это, братцы, с нашим Захаром приключилось? – спрашивал себя и остальных Шириш. – Я с ним, почитай, годков семь уже бок о бок. Не могу я на него подумать такого.

Пожарные молчали, пытаясь заняться хоть каким-нибудь делом, но как-то ничего не ладилось. Мартынов нарезал круги по двору, твёрдо вознамерившись спустя четверть часа постучаться к Бодрову. Взглянув на часы, он вспомнил, что обещал сегодня матушке быть пораньше к ужину, чтобы поговорить о её поездке завтра на хутор Степановский, что близ Оренбурга, к кухне и договориться о лошадях.

– Теперь уж как выйдет, – подумал он.

Мартынов поднялся к Бодрову, когда уже стемнело. На стук в дверь никто не ответил. Николай постучал сильнее – в кабинете послышался какой-то неясный шорох.

– Ваше высокоблагородие, дозволейте войти! – крикнул Мартынов. – Я по делу неотложному. Степан Степаныч!

Молчание насторожило помощника не на шутку. Он уже успел узнать своего начальника, когда тот был навеселе. Бодров всегда в таких случаях шумел, отдавал разные чудные приказы, о которых после и вспомнить не мог. Мартынов подозвал Петрова.

– Неладно там как-то, чую, – поделился он опасением с коллегой. – Надобно дверь ломать.

– Да бог с тобой, Николай Алексеич! – ужаснулся Петров. – Спит он пьяным и всех делов.

Мартынов не послушал и, отойдя на пару шагов назад, с силой ударил в дверь. Она не поддавалась. Николай прислушался – ни звука. Собравшись с силой, оба помощника ударили теперь в дверь ногами одновременно. Железный крюк отлетел, и Николай первым ворвался в кабинет. Бодров сидел прямо в кресле. Мундир его был застёгнут на все пуговицы, а в правой руке брандмейстер держал пистолет, приставленный к виску. Мартынов замер, не зная что предпринять. Петров осторожно направился к брандмейстеру, обходя стол. Бодров не шевелился, будто ничего не видел вокруг себя. Мартынов, оправившись от шока, двинулся к нему с другой стороны, как раз там, где была рука с пистолетом. Оставалось пару шагов, когда брандмейстер неожиданно повёл глазами в сторону помощника и нажал на курок. Выстрела не последовало – осечка! В следующее мгновение Николай перехватил руку Бодрова, а вторую тут же схватил Петров. Они оба пытались вырвать пистолет. Бодров сопротивлялся молча и зло.

– Степан Степаныч, ты чего удумал! – заорал Мартынов. – Брось, брось оружие!

– Пусти! – прохрипел брандмейстер. – Пусти, говорю. Не переживу позора такого!

Он с силой оттолкнул обоих, вновь поднял пистолет к виску и опять взвёл курок.

– Не походи! – сказал Бодров. – Не подходи!

– Степан Степаныч, будешь стреляться – давай! – вдруг выпалил Мартынов. – Только сказать тебе одно хочу. Собрался я сегодня к Вам, Ваше высокоблагородие, просить руки дочери Вашей...

Николай не успел закончить. Пистолет выпал из руки Бодрова, и, грохнувшись о стол, выстрелил. Пуля, летевшая прямо в грудь Мартынову, попала в стоявший на её пути медный подсвечник, и он тяжело свалился на пол, вывалив покотившуюся свечу. Брандмейстер страшно вытаращил глаза.

– Коля! Жив! – обезумевший Бодров бросился к помощнику и схватил его за плечи. – Что же это я делаю! Что делаю!

Они обнялись, и Бодров заплакал на плече у Мартынова.

– Ох уж мне канделябры эти! – улыбнулся такой счастливой развязке Николай.

Он наклонился и поднял подсвечник. Точно посередине ножки его застряла пуля, предназначавшаяся Николаю Мартынову. Бодров тем временем утёр слёзы платком, что дал ему Петров, и, окончательно протрезвев, наконец понял, что сейчас произошло. Он чуть было не лишил жизни своего Колю. Брандмейстер сел и закрыл лицо руками.

– Сейчас, Коленька, погоди чуток, – прошептал он. – Господи Вседержитель, помилуй меня грешного раба Твоего...

Тем временем помощник Петров, подойдя к Мартынову, попытался было забрать из его руки подсвечник, спасший тому жизнь. Но Николай крепко держал его, не отрывая от него

глаз. Прямо над застрявшей пулей на медной ножке был едва виден знакомый Николаю знак! Он словно таял на глазах! Мартынов опрометью бросился в караульную, чуть не сбив с ног прибежавшего на выстрел Ширша, и схватил свою каску. Знак амулета медленно проступал на своём месте.

– Видится мне это всё, не может такого быть, – снова перекрестился Николай...

Когда он вернулся в кабинет брандмейстера, тот уже оправился от шока. Петров суетился рядом, достав какую-то припасённую склянку с успокоительным.

– Да что ты, Иван Яковлевич, голубчик, – отнекивался Бодров. – В порядке я. Коля, Коля ты мой дорогой!

– Степан Степаныч, отыщем мы воров истинных – слово даю, – отрапортовал Мартынов. – За руку схватим!

– Отыщем, Николай, непременно отыщем, – воспрянул духом брандмейстер и, схватив Мартынова за плечи, пристально оглядел его, словно хотел убедиться, что всё в порядке – Я из них сам лично вот этой шпагой дух вышибу! Где моя шпага?

На лице его снова отчего-то проступила печаль, но всё же Бодров стал прежним – со своей командирской хваткой, не привыкший сдаваться трудностям. Он был уверен, что товарищи про то, что случилось этим вечером в части, не скажут никому ни слова – даже просить ему об этом не потребуется...

В эту ночь Мартынов долго и много писал. Он окунал перо в чернила, и в воображении его вновь и вновь рисовались картины, на которых языки пламени лизали потемневшие облака, и пожарный обоз летел со звоном колокола по улицам Оренбурга... На столе Николая стоял теперь тот самый подсвечник, подаренный ему Бодровым. Мартынов то и дело бросал на него взгляд – не появился на нём вновь загадочный знак, а после оборачивался, вглядываясь в темноту. Ему чудилось, что за спиной стоит отец и словно что-то диктует. Николаю даже показалось, что он слышит едва различимый его шёпот. Но лишь пламя свечи покачивало на стене его собственную огромную тень, ссутулившуюся над исписанными этой ночью листами...

На следующий день Дорофеича готовили к срочной операции. Доктор, уже немолодой, лет пятидесяти, невысокий мужчина, стоял в операционной с привычно закатанными по локоть рукавами белого врачебного халата, на котором виднелась чья-то плохо застиранная кровь. Он тщательно мыл руки в тазу с хлорной известью. Макару стало очень грустно. Вчера он ещё страшился тому, как ему будут отрезать пальцы правой, столь нужной во всём, руки, но теперь смирился и ждал своей участи.

– Ты, голубчик, не бойся, – с улыбкой подошёл к пожарному доктор. – Сейчас поспишь чуток, а мы своё дело сделаем – иначе никак. Помрёшь, понимаешь?

Макар лишь обречённо кивнул в ответ головой. Спустя полчаса его уложили на стол, накрытый белой простынёй, и в воздухе резко запахло чем-то неведомым для Дорофеича и оттого страшным. Он вздрогнул и обвёл глазами операционную. Рядом совсем молоденькая сестра милосердия доставала из кипящей кастрюли инструменты, среди которых Макар заметил небольшую пилу, щипцы, похожие на кусачки и острый тонкий нож. Через несколько секунд ещё один доктор накрыл его рот и нос марлей и положил что-то сверху. Макар вдохнул этот непонятный запах, и в глазах у него поплыли картины из далёкого его деревенского детства. Он увидел мать и ещё братьев, которые босоногими бежали куда-то за околицу. Увидел давно позабытую им старую берёзу, что росла на опушке леса, из ствола которой они мальцами пили вкусный сладкий сок...

– Ты считать умеешь, голубчик? – послышался откуда-то сверху голос доктора.

– Могу, – крикнул Макар, но почему-то не услышал себя. – Могу, могу!

– Тогда считай.

– Один, два, три, четыре.... – Макар силился посчитать до десяти, как учил его когда-то местный приходской батюшка, бывший ему наставником вместо погибшего на фронте отца, но голос куда-то исчезал, мысли его путались. Всё – и мать, и братья, и берёза – пропадали в странном белом тумане...

***

В следующий день Рождественского поста пожар случился во Введенском храме, что на набережной. До него от пожарной части с Почтовой было подать рукой, и обоз приехал за минуты. Командовал на пожаре сам Бодров, а при нём все не то чтобы бегом делали дело – летали, словно на крыльях.

– Я вас, мухи сонные! Бегом вдвоём с рукавами наверх! – кричал брандмейстер. – А ты, у насоса, воду давай скорее теперь, а то сдохнут они там, в жаре – вишь огонь из окошек верхних как прёт, сейчас купол займётся.

Церковь пылала. Настоятель божился, что загорелось непонятно как, но Бодров твёрдо знал, что в приходских храмах одна пожарная беда – свечи. Вот и в этот раз, как и прежде, одна из таких свечек, не догорев, упала на какую-то тряпицу, ковёр или оставленную священником одежду, и пошло. Когда живущий при храме настоятель прибежал, только завидев огонь, то, не зная какая беда может быть, распахнул все двери и окна. Сквозняк подхватил пламя и понёс его под купол.

Пожарные уже подали воду, стоя на лестницах, приставленных к обоим приделам, а Мартынов с Ширшем, тем временем, пытались с трубами прорваться внутрь.

– Водой окатитесь, прежде чем идти, – крикнул им Бодров. – А то улетите, как ангелы, прости меня Господи, следа от вас не отыщешь!

Ширш подозвал одного из бойцов, и тот вскоре вернулся с двумя конусными вёдрами, полными воды.

– Лей! – приказал Мартынов.

Пожарный по очереди вылил на Мартынова и Ширша по ведру, и те вошли внутрь. В церкви было темно, как ночью. Дым обволакивал каждую пядь пространства, так что идти было неизвестно куда.

– А ну, присядь-ка, Ваше благородие, – толкнул в плечо Мартынова Ширш. – Сейчас всё увидим.

Николай присел. Под крошечной завесой дыма оказалось чистая неширокая полоска, будто здесь, внизу, пожара вовсе и не было.

– Ползком, ползком, Николай Алексеич! – подбодрил его Ширш, и они поползли к алтарю.

Мартынову стало тяжело дышать. Он нащупал на груди специальную губку для дыхания и, зажав её губами, начал дышать ртом. Немного отпустило, и они, оба присев на колена, подали воду в очаг, где огонь хозяйничал, будто поднялся сюда по воле нечистой силы из самой преисподней...

Пожар загасили после полудня. Снова зайдя внутрь, Николай обнаружил там стоявшего Ширша. Он осмотрелся и увидел, что сгорело буквально всё, что могло сгореть. И только иконы – посреди пепла и углей они, каким-то чудесным образом, остались нетронутыми огнём.

– Надо же, – поразился увиденному помощник брандмейстера. – Вот же чудо!

– Чудо, Николай Алексеич, чудо, – подтвердил Ширш. – Уж не впервой такое вижу и в храмах, и в домах.

На пожарных с икон глядели лики святых, и Николай застыл под этими всевидящими, пронзающими насквозь, глазами. Сзади послышался стук тяжёлых сапог, и в молебную залу, перекрестившись, вошёл Бодров.

– Чего вы тут, собираться надобно, – сурово сказал он. – Пожар – он постов, вишь, не соблюдает. Набезобразничал много тут. Где настоятель? А ну, пусть глянет немедля, всё ли тут на месте.

Вскоре на пожарище приехал сам епископ. Он обошёл со свитой весь храм, беспрестанно молясь. После благословил подошедших к нему Бодрова, Мартынова, Петрова и ещё несколько бойцов, и поблагодарил их.

– Владыка, не впервой уже такое со свечами, – всё же собрался с духом брендмейстер. – Надобно вразумить священников, чтобы...

– Бог дал – бог взял. – Епископ поглядел на Бодрова своим чёрными бездонными глазами, и тот покорно замолчал, повинувшись высшей силе, властной над всеми живущими на этом и на том свете...

Дорофеич метался в горячке. Накануне хирург отрезал ему отмёрзшие, с уже начавшейся гангреной, указательный и средний палец, да ещё половину безымянного на правой руке. Когда после эфирного наркоза Макар пришёл в себя, то не сразу понял, что произошло. Он то забывал, как его зовут, то собирался обратно в свою деревню. А потом рука начала страшно болеть. И от боли этой Макар метался по кровати и просил водки.

– Потерпи, миленький, – хлопотала подле него сестра милосердия Аня. – Уляжется боль, потерпи.

– Уж спасу нет терпеть, – рычал Дорофеич. – Может лекарство какое или водки что ли дайте?

Позже пришёл хирург и осмотрел то, что осталось от руки Дорофеича.

– Теперь терпи, солдатик, – безжалостно промолвил доктор. – Считай, как на войне тебе руку покалечило. Терпи, говорю.

Макар терпел. Его страдания всё чаще разделяла та самая Аня, из всех сестёр относившаяся к этому долговязому пожарному с особенной нежностью. А он, доживший до тридцати пяти лет бобылём, давно не знал женской ласки. Разве что одна из местных девиц лёгкого поведения, известная всей округе, принимала пожарных у себя в доме. Те, чего греха таить, бывало, расплачивались вскладчину. На номера, куда похаживали одни офицеры, у бойцов жалования не хватало. Но Макар хотел обзавестись домом и семьёй, нарожать с женой детишек. Таким он видел своё скромное пожарное счастье.

Чуть позже к Дорофеичу пожаловал городничий с допросом. Макар ещё не пришёл в себя, но полицейский был непреклонен: приказ полицмейстера – учинить допрос немедля. Дорофеич не знал, что и сказать, боясь каждым своим словом навредить Захару, в невиновности которого не сомневался ни на минуту.

– Ваше благородие, я в толк никак не возьму, чего говорить-то? – искренне недоумевал Макар. – Не видел я ничего такого, вот Вам крест.

– Ты, братец, мне не вилай тут, – пугал его городничий. – Знаешь ли, что Дегтярёв уж рассказал всё как было, как вы вдвоём удумали на пожарах мародёрничать. Всё уж нам про то известно, а ты грех с души с ними – расскажи, да покайся после батюшке.

– Нечего мне сказать, Ваше благородие, – отвернулся к стене Макар. – Не было – вот Вам слово моё.

– Ну, гляди, твоя воля, – разозлился на него офицер. – Значит, пойдёшь на каторгу, надолго пойдёшь!

– А, один чёрт! – махнул здоровой рукой Дорофеич. – Вяжите, коли так.

Городничий ушёл ни с чем, а к Макару снова прильнула Анна, заботливо поправляя повязку на его ранах.

– Да на что я тебе калека? – удивился опять пожарный. – Мне теперь и службы-то не видать. Да хоть и в острог – всё одно. Эх, братцы!

– Не бывать этому, – вдруг сказала Анна, и Макар поразился твёрдости её голоса. – Я тебя выхожу, и каторги не будет, и служить ещё будешь.

– С чего бы тебе так знать про это?

– Не пытай, но знаю точно...

Самого Захара Дегтярёва третьего дня перевели со съезжего двора на новую гауптвахту, что на набережной, и посадили в камеру. Допросы с пристрастием и битьём в зубы ничего не дали. Захар твердил одно.

– Не я это, богом клянусь, подбросили, окаянные, червонцы мне эти. Не возьму вины на себя – на что мне за других каторгу тянуть. А отправите – перед богом ответите, бог всё видит...

Захара снова били, но вскоре полицмейстер отчего-то распорядился прекратить допрос и отправить арестованного на гауптвахту немедленно. Захара били в жизни много. Сначала пьяный отец брал всё, что попадало под руку и бил своего Захарку за любую провинность нещадно. Жена просила пощадить сыночка.

– За что ж ты его так, или не любишь вовсе? – плакала она.

– Не лезь, не твоё бабье дело это, – ворочал пьяным языком муж. – Я ему такую науку дам, что век помнить будет, как родителя почитать надобно.

Позже Захар сам попросился в рекруты, чтобы уйти от ненавистного отца. Ему было жалко мать и сестру, но он ушёл однажды по пыльной деревенской дороге прямо на войну. Он надеялся выжить, чтобы вернуться и быть в силах что-то изменить и поправить. Но в первом же своём бою попал в черкесский плен, где просидел в яме долгих три года. Его избивали до полу-смерти, почти не кормили, и Захар Дегтярёв много раз прощался с жизнью, пока не решился сбежать. Ранним утром он чудом выбрался из ямы, задушил сторожа и бежал пока было сил. Его искали, пускали по следу страшных жестоких алабаев, ломавших спины человеку в один прыжок. Но ему свезло – на второй день Захара, обессилившего и загнанного, словно зверь – подранок, подобрал казачий разъезд...

Обо всём этом Захар вспоминал, свернувшись в клубок на промёрзшем арестантском топчане, то и дело хватаясь рукой за ноющую от холода раненную ногу.

– Не привыкать, обойдётся, вот доченьку бы разок ещё увидеть только, – думал он, и слеза наворачивалась ему на глаза.

Прежде чем попасть на службу в Оренбург, Захар успел жениться на одной из крепостных девушек. По такому случаю великодушный барин даровал ей вольную, и они направились в город, где Дегтярёв и подался в пожарные служители. Пять лет назад жена родила ему красавицу – доченьку Настю. Захар, который с детства познал столько жестокости, вырос человеком очень добрым и любящим, прощавшим каждого. Настю свою он любил больше жизни и сейчас тосковал по ней, зная, что может никогда её не увидеть. И от мыслей этих ему не спалось – чудилось, что Настя стоит у зарешёченного окна его камеры и ждёт, когда её батяню отпустят домой...

***

А вот и зима на исходе. Февральское солнце в Оренбурге обманчиво. То согреет, выглянув из-за туч, то обдаст лютым морозом. Но скоро, скоро... В эти самые дни Дорофеич,

к несказанной радости товарищей и кота Кузьмы, вернулся на службу. Покалеченная рука его была ещё забинтована, но поверх повязки он приспособил кожаный чехол.

– Вот что, братцы, от руки моей осталось, – показал Макар свою клешню товарищам.

Кузьма уже ластился к Дорофеичу всем своим кошачьим телом, держа хвост трубой. Тот поднял его и уткнулся носом в усатую морду. Кузьма, не ожидавший подобных ответных чувств, заёрзал, словно от неловкости, но на всякий случай уцепился когтями за суконную шинель Макара. Появившийся Бодров позвал Дорофеича к себе и, внимательно рассмотрев руку, задумался.

– А управишься у насоса-то теперь, а?

– Ваше высокоблагородие, я уж всё придумал, как буду, – уверенно ответил Макар.

– Сможет, он сможет, – подумал про себя брандмейстер. – А то куда ж его? Кому он нужен будет? А к ремонту ещё помощника ему определим. Сможет...

В один из таких февральских дней казачий вахмистр Григорий Попов, разругавшись с женой вдрызг, поджёг от злости свой собственный дом, что в Форштадте. Пламя схватилось быстро. Обоз примчался через полчаса, увязая по дороге в тяжёлом, набухшем от дневной оттепели, снегу. Попов же, завидев пожарных, вышел навстречу обозу с шашкой и стал показывать чудеса фехтования, перебрасывая клинок с руки на руку, крутя его так, словно превратил шашку в железный веер.

– Руби меня, братцы, если сможешь! – орал вахмистр, будто потеряв рассудок, почувствовал себя в бою с басурманами. – Пускай горит!

Прискакавший следом Бодров, спешил. Пожарные стояли, не зная как приблизиться к горящей избе. Брандмейстер подошёл вплотную к вахмистру.

– Брось шашку! – коротко приказал он. – Всю улицу спалишь, казак. Не бери греха на душу!

– А ты кто? Не командир ты мне! – захрипел на брандмейстера Попов. – Ты в мою душу не лезь – туда шашек и палашей знаешь сколь совали? А ты кто, чтоб мне приказы отдавать?

И, махнув кликом, вахмистр разрубил уже протянутый к дому пожарный рукав. Хлынувшая из рукава вода ударила Бодрову прямо в грудь. Брандмейстер, не дрогнув, остался стоять на месте. Он снял шпагу, скинул на морозе шинель, расстегнул и снял китель. Оставшись в одной рубашке, штабс-капитан взял в руку свой клинок. Только сейчас, в свете пламени пожара, Попов разглядел страшный ожог на плече брандмейстера и длинную рваную отметину возле самой шеи от упавшей однажды на Бодрова горячей надвратной перекладки, расположившей ему чуть ли не половину тела. Взгляд вахмистра погас, он одним движением вложил шашку в ножны и посторонился, пропуская пожарных...

Войсковой атаман Михаил Голодников насилу уговорил полицмейстера Рукомойникова не отдавать Попова под суд, обещав разобраться с ним по суровому казацкому закону.

Вскоре казаки собрали свой Круг. В казачьей Знаменной избе было сильно накурено. Юртовые атаманы собрались с ближайших станиц. Бородатые, с шашками на боку и нагайками в сапогах, не снимая шапок, они степенно о чём-то говорили друг с другом. Помимо прочего должны были обсудить и вахмистра. Теперь Григорий сидел на Круге понурый, ожидая своей участи.

Голодников не вошёл, а прямо вбежал на Круг. Войсковой старшина едва успел с докладом.

– Здорово дневали, братцы казаки? – обратился к Кругу атаман.

– Слава богу! – грохнули в ответ казаки.

– На молитву шапки долой!...

Когда дошли до Попова, то спорили долго. Вахмистр слыл человеком отчаянным в бою и щедрым с товарищами, и в пьянстве, как и в иных безобразиях замечен не был. Виной же всему был вспыльчивый характер казака.

– Простить Попова, и чтоб впредь не баловал! На поруку его взять! – кричали казаки.

– Любо! – раздавалось в ответ с одной стороны.

– Не любо! – эхом отзывалось с другой. – Уж не впервой он чудит! Что с того, что герой. Наказать, чтоб казакам неповадно было!

Тогда слово взял есаул Ерофей Якунин из Совета стариков. Есаул встал, и вслед за ним по казачьему обычаю поднялся весь Круг. Ерофей, как и полагалось, поклонился всем.

– Вот что, казаки, – начал свою речь отмеченный сединой и вражескими пулями сотник. – Так делать никак невозможно. Мало что ли враг дома наши сжигал? Мало нашего казачьего брата в боях полегло и ещё поляжет, чтобы по глупости замерзнуть? Вас спрашиваю? У вахмистра Григория Попова заслуги немалые, но баловать никому нельзя. Моё слово – наказать одним ударом плетью.

– Любо, – нехотя загудели казаки, не смея перечить старику...

Весна взяла своё только к апрелю. И пока все радовались вновь начинавшейся в городе жизни, пожарные отвыкали от зимней спячки, готовясь к новым испытаниям. В апреле пожары не заставят себя ждать. Если зимой горело лишь от банных печей, да от упавших по недосмотру лучин, то в наступающей жаре, при налетающем, сбивающим с ног, оренбургском ветре пожару будет где разгуляться. Он поселится в степи, грозя оттуда сполохами городским избам на окраинах, залезет на сеновал, подобрав докурить брошенную каким-нибудь подвыпившим казаком самокрутку с ещё горящим табаком, а то и выскочит из костра, допрыгнув до ближайшего двора, покрутится и пойдёт куролесить по сараям и крышам домов.

– Нехороший он, апрель этот, сколь себя помню, – ворчал Ширш в казарме. – Так что, братцы мои, более всем сразу не спать, караул нести справно.

– Верно всё ты говоришь, Емельян, – громко сказал неожиданно вошедший в казарму Мартынов. – Его высокоблагородие теперь в Думу уехали. Снова людей да денег на обоз будет просить, а там как решат.

То, что решат снова не в их пользу, знал любой пожарный. Городской глава Иннокентий Безродов каждый раз придумывал для брандмейстера новую причину, чтобы не пополнять пожарный обоз новыми служителями и не менять лошадей, выслуживших свой положенный срок.

– Ваше превосходительство, ежели так станется, что какая из лошадок до пожара не домчит, то уж не взыщите, – бил на жалость Безродову Бодров. – Они, кобылки наши, больше иных людей на веку своим повидали – на покой им пора.

– Степан Степаныч, ну что ты мне говоришь опять, – заложив огромные руки за спину, ходил взад-вперёд по кабинету глава. – Государство из войн не вылезает, а тут тебе лошадей менять. И десяти лет им сроку не прошло – пусть поскачут ещё годик-другой. А насосы сменять будем, непременно будем. На новые, германские, слышь. Но к лету, голубчик мой, к лету.

– Да как же к лету, Иннокентий Палыч? – с недоумением поглядел на главу Бодров, отчего у Безродова окончательно испортилось предобеденное настроение. И брандмейстер, и все пожарные проблемы надоели ему тотчас же.

– Степан Степаныч, идите на службу, мы обо всём подумаем, – отвернулся он от Бодрова, давая понять, что разговор окончен...

Пожарные же, будто подслушав беседу Бодрова с городским главой, уже чистили и подковывали лошадей, Дорофеич вместе с новым пожарным Иваном возились у старого насоса, а Мартынов с Ширшем сокрушённо оглядывали порванные местами рукава и думали, чем

залатать очередную дыру с такими скудными расходами на обоз. За этим занятием застал их вошедший в конюшню помощник полицмейстера Исаев. Все побросали дела, ожидая новостей про Захара, но тот молча подошёл к Мартынову, поприветствовав его одного лёгким кивком головы.

– Николай Алексеевич, Вас тотчас же ждёт к себе его превосходительство господин полицмейстер, – сухо сказал он.

Мартынов отдал заливную трубу, которую держал в руке, Ширшу, застегнул мундир и, не проронив ни слова, направился следом за Исаевым.

Пётр Рукомойников курил в своём кабинете трубку. Табак у полицмейстера был особенный, такой едкий, что пробирал всякого до мозга. Вызывая к себе какого-нибудь городничего, он обязательно закуривал, отчего с подчинённым случался кашель и слёзы из глаз. Вот и сейчас, оглядев вошедшего к нему Мартынова с ног до головы, будто видел его впервые в жизни, Рукомойников затянулся, сидя в кресле.

– Проходи, Николай Алексеич, присядь, – указав Мартынову на кресло возле стола, выдыхая свой жгучий табак, строго сказал полицмейстер. – Ты человек хоть и молодой, но серьёзный и обстоятельный. А потому к тебе с этим делом и обращаюсь. Степан Степанычу – чур, уговор – о разговоре нашем ни слова – горяч он сейчас после всех этих краж, будь они неладны. Так вот, значит, дело какое, Николай Алексеич...

Пока еще не припекло с этими самыми пожарами, пока ещё солнечный денёк сменялся холодным проливным дождиком, Николай решил испить баньку и позвать товарищей.

– Вот, братцы мои, хочу собраться с вами в баньке, по-походному, с веничком да водкой, – сообщил Мартынов. – Год уж, как батюшки моего нет, а он баньку любил. Помянем раба божьего Алексея.

В мужскую компанию он пригласил Бодрова, Петрова и Ширша.

– Ваше благородие, да не по статусу мне с офицерами вроде, – мялся Ширш. – Я-то баньку исплою, а вы уж там сами.

– Обижусь, сей час же обижусь, Емельян, – сурово ответил на это Николай. – Топить – это твоя наука. Знаю, что истопник ты знатный. Но хочу с тобой, как с товарищем за стол сесть – уважь!

К назначенному часу из банной трубы валил дым, и Ширш кочегарил с дровами возле печи. Банька во дворе Мартыновых была «по – белому» – чистая и ухоженная. Её построил покойный отец Николая и иногда собирал здесь товарищей. Хоть Дарья с Машей наготовили на всю компанию, однако же Петров снова умудрился добыть и поставить на стол вяленую рыбу, икру и бутыль самогона – в этих делах равных ему в части не было.

– Не пропадёшь с тобой, Иван Яковлевич, – отметил заслугу Петрова брендмейстер. – Добытчик ты знатный. Откуда принёс?

– Так у вдовушки одной подъедаюсь тут, – словно в шутку признался начальнику помощник.

– Женить его надобно, братцы, точно вам говорю, – рассмеялся Бодров. – А хоть и на вдовушке этой. Когда свататься идём, Иван?

Брендмейстер, улучив момент, отозвал Николая к себе.

– Коля, а чего полицмейстер-то звал к себе, пытался что? – тревожно спросил Бодров, всё также пристально глядя на Николая.

– Да про Захара всё, – ответил Мартынов. – Больно уж хотят они его виноватым сделать, да сообщников ищут пока. Поэтому в судебную палату дело-то не отдадут – не спешат. Я ему говорю, что не верю во всё, а он – улики есть, стало быть, в Сибирь ему дорога.

Печной жар уже раззадорил всю компанию, и они, раздевшись догола, нырнули в привычный для себя знойный дух. В тазах заплюхали веники, заготовленные с осени, от выплеснутой

Бодровым воды зашипели камни на печи, и стало ещё жарче. Воздух сделался тягучим, пробирающим всё тело мелкими острыми иглами. Последним в парную вбежал Петров. На плече его, почти у самой шеи, виднелись две отметины от пушечных пуль.

– Эх, Иван Яковлевич, где же тебя так? – рассматривая голого товарища, спросил Бодров.

– В полиции, известно где, – неохотно поделился Петров тем, о чём, по всему видно, вспоминать не любил. – У воров пистоль оказался, не увернулся я.

Спустя несколько минут из бани слышались крики, бранные словечки, охи да ахи.

– А ну-ка, поддай ещё парку, Ширш! – орал, что был сил Бодров. – Ох, не спалиться бы!

– Степан Степанович, уж мочи нету жар терпеть, – слышен был тихий голос Мартынова.

– А ну терпи, боец, на что мне такой пожарный – сдюжишь!

Пожарные по очереди хлестали друг дружку горячими вениками, выгоняя из своих тел затаившиеся хвори, разогревая в груди души, чтобы после, охладившись колодезной студёной водой и закутавшись в белые простыни, начать свой откровенный разговор, на который по трезвому делу мужик вряд ли сможет решиться...

В понедельник Дорофеич запил. С ночи он пропадал неведомо где, а наутро Ширш обнаружил его спящим в дальнем углу казармы в таком непотребном виде, что было совершенно ясно, что самостоятельно Макар Кондрин до части не добрался бы.

– Кто ж дотащил его, и где подобрали? – вопрошал бойцов Ширш, но те, отводя глаза, по-братски молчали.

Макар на все поползновения привести его в чувство злобно отмахивался, обещая зарубить топором любого, кто подойдёт. Лишь новому его помощнику Ивану и коту Кузьме было дозволено быть рядом. Дорофеич водил в пьяном сне в воздухе руками, открывая порой ничего не видящие глаза, и нёс околесицу.

– Вон пошёл от меня, рогатый! – снова начинал кричать Макар, поднимая для крестного знамения изуродованную руку, отчего зрелище и впрямь было бесовское. – Я тебя знаю. Я в бога нашего верую – не возьмёшь меня, нечистая!

Нашупав Кузьму, Дорофеич сгрёб его в охапку и начал целовать. Кот, озверев от перегарного запаха, упёрся всеми четырьмя лапами и куснул Дорофеича за нос.

– Это не Кузьма наш – нечистая за мной пришла! – заорал Макар и принялся душить кота.

Мартынов вошёл в казарму, когда товарищи насилу вырвали животное от буйного пожарного. Вздёрженный и помятый Кузьма с выкатившимися от страха глазами злобно шипел, будто дьявол, изгоняемый Дорофеичем, на самом деле решил переждать в его шкуре.

– Тащите в конюшню! – приказал Мартынов. – Емельян, Иван, рукав и трубу у бочки готовьте.

Пожарные поволокли пьяного Кондрина к бочечному ходу. Двое взяли его под локотки, поставив прямо перед бочкой, от которой Иван через насос уже протянул пожарный рукав. Дорофеич, висевший на руках товарищей, был похож на приговоренного к казни. Он поднял голову.

– Почто убиваете меня, православные?

– Качай! – коротко приказал Мартынов.

Иван, державший в руках водоливную трубу, испуганно посмотрел на командира.

– Качай, Емельян, немедленно! – прикрикнул помощник брандмейстера и сам, оттолкнув Ивана, взял трубу из его рук.

Струя ледяной воды ударила фонтаном, и Николай направил трубу прямо в Дорофеича, пытаясь столь изумительным способом вернуть его к жизни. В рубахе и кальсонах пьяный Макар вмиг превратился в одно стирное бельё и, спустя полминуты, открыл глаза и задёргался из стороны в сторону.

– Всё, всё! Пусти!

Воду остановили. Макар по-собачьи затряс головой, разбрасывая брызги. Мысли его прояснились, а во взгляде обнаружился потерянный со вчерашней ночи смысл.

– Дорофеич, мать твою! – подступил к нему Мартынов. – Будешь баловать, его высокоблагородие приказали в шею тебя гнать, даром, что покалечило!

– Виноват, Николай Алексеич, бес попутал, – с готовностью начал оправдываться Кондрин. – Только вот головушка болит – спасу нету никакого.

– Ладно. Емельян, похмели его и пусть проспится к обеду, – безглаголиво сморщился помощник брандмейстера. – А то помрёт, не ровен час...

В Оренбурге начались пыльные бури. Они налетали всегда неожиданно, закручивая в столб поднятый с земли песок, и бросали его в лицо. Дамы пытались прикрыться платками, а кавалеры просто оборачивались спиной, пережидая, пока стихнет.

– Опять черти крутят, – обязательно говорил кто-то.

Пыльный столб нёсся дальше по улицам на десятки и сотни саженей, пока не прибывало его снова к земле. Обувь и одежда горожан становились серыми, песок хрустел на зубах и царапал глаза.

Мартынов наблюдал всё это безобразие из окна караульной. В наступившую жару гореть начало в аккурат по три-четыре раза на дню. Бойцы, не успев обсохнуть, вновь летели то в Кузнечные ряды, то на Базарную площадь, то в Форштадт или Новую Слободку. Пожарные обозы сновали по улицам, не вызывая удивления, а пожарные к вечеру выматывались совсем, да так, что – здоровые и выносливые – падали без сил. Лошадей тоже не жалели.

– Француз наш не сдюжит, – сокрушённо говорил Ширш Мартынову. – Вчера, когда с Инженерной с пожара-то воротились, он еле приполз. Встал в конюшне, фыркал долго. Потом на левую ногу припадать начал, я уж подумал, что помирает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.